

Влад Поляков
ВЕТЕР С ЮГА

Попаданец (АСТ)

Влад Поляков

Конфедерат. Ветер с Юга

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поляков В.

Конфедерат. Ветер с Юга / В. Поляков — «АСТ»,
2018 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-107892-8

Разгоревшаяся война Севера и Юга... И попавший в эту эпоху русский человек, вставший на сторону Конфедерации, прикладываящий все силы для сокрушения северян. Почему? Да потому, что он помнит родной XXI век и ту необъятную власть, которую захватили финансовые транснациональные корпорации. Потому что понимает ненависть стоящих за спиной президента Линкольна к южанам, к Конфедерации. Ибо ничего так не боятся банкиры, как победы тех, которые их считают за то, чем они являются на самом деле — то есть обычными дешевыми ростовщиками, которых и на порог-то пускать неприлично.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107892-8

© Поляков В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Влад Поляков

Конфедерат: Ветер с Юга

© Влад Поляков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

– Я встречал нескольких, которые претендовали на понимание негров, – ответил капитан Вудворд, – и всегда замечал, что эти люди первые подвергались каи-каи, то есть были съедены. Посмотрите на миссионеров в Новой Гвинее и на Новогбридских островах – на Эрраманге, – этом острове мучеников, и на прочих островах. Вспомните австрийскую экспедицию, все участники которой были изрублены в куски на Соломоновых островах, в зарослях Гвадалканара. А эти торговцы с многолетним опытом, хвастающие, что ни один негр их не тронет! Их головы и по сей день украшают стропила сложенных из каноэ хижин. Старый Джонни Симонс, двадцать шесть лет блуждавший по неисследованным областям Меланезии, клялся, что негр для него – открытая книга и никогда не причинит ему вреда. Он погиб у лагуны Марово в Новой Георгии. Черная Мэри и старый одноногий негр, оставивший другую ногу в пасти акулы, когда нырял за рыбой, убитой динамитом, вдвоем отрубили ему голову. А Билли Уоттс, с ужасной репутацией истребителя негров, способный утешить самого дьявола! Я помню, мы стояли у Маленького мыса в Новой Ирландии, – вы этот мыс знаете; там негры украли у Билли пол-ящика табаку, предназначенного для продажи и стоившего ему около трех с половиной долларов. В отместку он, внезапно нагрянув, застрелил шестерых негров, уничтожил все их боевое каноэ и сжег две деревни. А четыре года спустя у этого же Маленького мыса он, в сопровождении пятидесяти негров из Буку, шнырял вдоль берега, вылавливая морских улиток. Не прошло и пяти минут, как все они были мертвы, исключая троих негров, которым удалось спастись в каноэ. Не говорите же мне о каком-то понимании негров! Миссия белого человека – насаждать плоды цивилизации во всем мире. Это достаточно серьезное и хлопотливое дело. Где уж тут заниматься психологией негров!

Джек Лондон. «Непреклонный белый человек»

Пролог

США, Вашингтон, конец июля 1861 года

В «Президентском дворце» – он же «Белый дом» – было... тоскливо. Атмосфера, всего несколько дней назад преисполненная оптимизма и надежд на лучшее, теперь откровенно сдулась, как лишенный притока нагретого воздуха воздушный шар. Причина была очевидной – поражение... нет, скорее даже сокрушительный разгром армии Ирвина Мак-Дауэлла не мог не отразиться на состоянии тех, кто олицетворял собой власть в США. Во главе, вестимо, с самим президентом под порядковым номером шестнадцать, Авраамом Линкольном.

Сам Линкольн, по случаю случившейся большой, очень большой неприятности, собравший свой кабинет для обсуждения дальнейших действий, уже представлял себе дальнейшие шаги. Да и как он мог их НЕ представлять, если его покровители дали довольно чёткие и недвусмысленные советы. Покровители... Все мало-мальски неглупые люди знали, что без них уже давно ни один человек не мог и надеяться стать президентом. Кем они были? Странный вопрос! Банкиры, немногие крупные промышленники – вот те самые столпы силы, на которых с давних пор стояла Америка. Именно они и привели Линкольна к власти как наиболее подходящего для исполнения поставленных задач человека.

А задач было две по большому-то счёту. Хотя одна вытекала из другой, рассматривать их в отрыве друг от друга не имело смысла. Финансово-промышленным воротилам, по сути и являющимся истинной властью, причем не сменяемой каждые несколько лет, требовалось... ещё сильнее усилиться. Ну а для этого необходимо было убрать мешающих этому – южан. Убрать не физически – ибо к чему впустую тратить ресурс, который в дальнейшем можно использовать, – но с точки зрения проводимой ими политики и оказываемого влияния.

Сначала Линкольн не понимал, чем именно так опасны плантаторы Юга. О, против отмены рабства он ничуть не возражал, более того, опирался на эту идею как на одну из основополагающих. Только освобождать негров он намеревался не с желанием дать им равные права. Линкольн считал, что лучше всего будет выслать их обратно в Африку, приложив минимальные усилия для создания там чего-то вроде отдельного для них государства. Однако банкиры быстро щелкнули его по носу, заявив, что подобное развитие событий их не устраивает. То есть кое-что в этом направлении делать можно, но не так, чтобы подобное стало основным решением.

Нет, бывшие рабы были им необходимы. Хотя бы для того, чтобы шаг за шагом, но свести всех – черных, белых, жёлтых, да хоть фиолетовых – в единый «плавильный котел». И на выходе получить материал, готовый обслуживать именно их, банкиров и фабрикантов, интересы. Слияние культур, рас, обычаев в единое целое. Разумеется, они понимали, что этот процесс займет не годы, даже не десятилетия, что его первые плоды увидят в лучшем случае их внуки. Однако собор святого Петра тоже строился... немалое время.

Южане же являлись преградой во всех смыслах. Для начала они сосредоточили в своих руках слишком много земли, на которой произрастал хлопок – белое и мягкое золото. Да и финансовые ресурсы, накопленные тамошними плантаторами, были огромны. Требовалось кардинальное изменение ситуации, то есть конфискация и перераспределение богатств среди довольно узкого круга финансовых воротил Севера.

Более того, требовался коренной слом уже сложившейся на Юге системы. Слом той самой «пирамиды», которая с каждым годом всё более походила не на чаемую финансистами «демократию», а на зародыш подобия аристократической республики. Той самой, в которой те же негры никогда и ни при каком условии не могли стать чем-то большим, нежели неквалифицированная рабочая сила. О нет, южанам и в ночных кошмарах не могло привидеться отка-

заться от своих обычаев, традиций, культуры, заменив их на убогий культ мнимого равенства и господства личного богатства над такими понятиями, как гордость и самоуважение. Следовательно, они должны были быть раздавлены, унижены, покорены. А затем, духовно уничтоженные, встроены в новую систему, которая впоследствии будет распространена и за пределы этой страны. Нечто подобное уже пытались осуществить их предшественники на другом континенте. Увы, во Франции им спутал карты бешеный корсиканец, передавивший дорвавшуюся до власти буржуазию и вновь вернувший монархию, пусть и увенчав короной собственную голову. Но первый раз – всего лишь проба пера. Теперь у «властителей золота и серебра» были куда более удобные позиции. Да и США не монархия с самого своего основания. Поэтому и требовалось лишь раздавить возомнивших о себе южан. И Авраам Линкольн показался наиболее подходящей «вывеской» для воплощения в жизнь данного этапа плана.

И вот теперь... Теперь Линкольн, пусть и находясь в «Президентском дворце» в Вашингтоне, осознавал, что всё не так просто, как сперва казалось. Попытку отделения Юга и необходимость войны понимали как он со своим кабинетом, так и его закулисные покровители. Но все рассчитывали на то, что война пойдет совсем по иному сценарию.

Чарльстон... Посланному туда из-за давнего допрезидентского знакомства майору Андерсону было поручено тянуть время, укрепившись в одном или нескольких фортах. Время было крайне необходимо хотя бы для того, чтобы дожидаться церемонии инаугурации, ведь до неё Линкольн не мог отдавать приказы армии и тем более объявлять набор новобранцев. Однако проклятые южане предпочли словам выстрелы, в одном коротком бою полностью разгромив гарнизоны фортов Чарльстонской гавани, сохранившие верность правительству. Ну а его давний друг Андерсон погиб в боине у форта Самтер.

Это было неприятно, но события в Чарльстоне нельзя было назвать чем-то большим, чем просто мелкое неудобство. Не удалось потянуть время? Да и ладно, силы Севера и Юга всё равно были несопоставимы. К тому же заранее было известно средство, которое должно было поставить новообразовавшуюся Конфедерацию в очень уязвимое положение. Морская блокада! Не зря особое внимание уделялось поддержке флота, особенно старших офицеров. И когда этот самый флот почти в полном составе выразил поддержку именно законно избранному президенту, всем показалось, что дела пошли по заботливо проложенной колее. Пускай часть моряков и даже морских офицеров переметнулись к конфедератам, чего они стоили сами по себе, без полноценных боевых кораблей?

Конечно, у властей Конфедерации имелась возможность, пользуясь имеющимися деньгами, просто купить корабли в Европе, благо даже команды можно было укомплектовать из числа своих, верных Конфедерации людей. Но и тут покровители Эйба Линкольна позаботились. Окружение Джефферсона Дэвиса сумело внушить лидеру КША, что это не самое важное дело, что флот, если он понадобится, реально и самим построить. Да и вообще он, флот то есть, может вовсе не пригодиться из-за того, что война очень скоро окончится победой Конфедерации. Ну а устроенная несколькими понимающими военачальниками настоящая истерика... она ничего не изменила.

Но и здесь недооценили чрезмерную инициативу одного из оскорбленных невниманием Дэвиса к проблеме флота генералов. Бригадный генерал Борегар, вкупе с губернатором Южной Каролины Френсисом Пикенсом и ещё одним далеко не столь значимым, но очень раздражающим человеком... по собственной инициативе и на свои деньги выкупили у ликвидированной британской Ост-Индской компании десяток вполне боеспособных, пусть и немного устаревших военных кораблей. Такого заранее предусмотреть было просто невозможно. После этого известия сама концепция морской блокады Конфедерации стала очень жалобно поскрипывать. Если её и удастся установить, то отнюдь не полную, лишь повышающую риски торговли, но не отсекающую большую часть оной.

Это известие было очень печальным. Хотя, с другой стороны, не так плохо всё складывалось. Обладая возможностью получать сведения о творящемся в правительстве Конфедерации и даже местами, опосредованно, но все же влиять на кое-какие принимаемые Дэвисом решения... На руках у Линкольна и его кабинета были сильные карты, их нужно было лишь правильно разыграть. Поддержавшие сецессию – то есть по сути выход из состава США – штаты были из числа тех, от которых это и требовалось, на территориях которых имелось нуждающееся в «перераспределении» имущество, движимое и недвижимое, инертное и говорящее.

Всё хорошо в меру. В том числе и количество примкнувших к Конфедерации штатов. Именно по этой причине Миссури, Кентукки и Делавэр не должны были поддержать сецессию. Тем более Мэриленд, внутри которого и находилось сердце США, город Вашингтон. Также был нежелателен выход Виргинии, по причине крайней близости оной к столице. Однако планы и реальность – разные явления, в этом Линкольну пришлось убедиться. В Виргинии слишком сильна была поддержка идеалов Юга. Зато от этого штата удалось оторвать чуть ли не треть от общей площади без применения силы. К тому же, повинаясь приказу Линкольна, войска должны были пересечь Потомак и организовать некую «полосу безопасности», устраняющую риск налета на столицу со стороны особенно рьяных конфедератов.

Вроде бы простое, рутинное дело, никаких проблем и быть не могло. Но и здесь без сурпризов не обошлось! Полк «огненных зуавов» под командованием полковника Элмера Эллсворта был не просто разбит, а почти полностью уничтожен. Сам же Эллсворт, на которого у президента были большие планы как на верного, пусть и не слишком далекого человека, попал в плен к конфедератам. И всё бы ничего, но поражение оказалось слишком унижительным. Рота южан разгромила полк, после чего просто отошла обратно, словно насмехаясь. А может и впрямь насмехаясь, потому как их командир был тем же самым человеком, который устроил бойню в Чарльстонской гавани.

Случайность? Это могло бы быть случайностью, не будь он причастен ещё и к покупке военных кораблей для Конфедерации. Да к тому же сразу после боя при Александрии по Югу прокатилась одна очень нехорошая, опасная для США волна. Волна арестов активных членов «Подземной железной дороги» – нелегальной организации аболиционистов. Верхушка их деятельности, а именно помощь беглым неграм и отправка из в северные штаты – это было лишь частью, но никак не целым. А истинная суть – вездесущие глаза и уши, принадлежащие тем самым рабам, которые на Юге были буквально везде. В любом доме. Близ каждого важного политика или военного.

И вот сейчас по этой сети был нанесен первый чувствительный удар. С «благословения» командующего Потомакской армией генерала Борегара и при деятельном участии некоего офицера по фамилии Станич. Того самого, причастного к неприятным событиям при Чарльстоне и Александрии. Работа «подземки» не была прервана, но кое-какие неудобства им доставить удалось. Активные её участники из числа белых были вынуждены либо уехать из привычных мест, либо скрыться. Страх – вот то, что удалось посеять генералу Борегару и его подручному, взявшему на себя всю грязную работу. Да к тому же на стол президента КША Дэвиса лег подробный доклад, в котором описывались как угрозы от «подземки», так и методы борьбы с ней.

Время! Линкольн понимал, что от подачи даже заинтересовавшего власть имущих документа до начала его реализации пройдет не одна неделя, а то и несколько месяцев. Да и армия под командованием генерала Мак-Дауэлла должна была обрушиться на новообразованную столицу Конфедерации, город Ричмонд. Не столько столицу, сколько важнейший промышленный центр, потеря которого стала бы для КША чрезвычайно болезненным ударом с далеко идущими последствиями.

На Мак-Дауэлла была сделана крупная ставка, под его начало поступили все лучшие полки, какие только удалось сформировать. И каков оказался результат? Разгром! Более

десятка тысяч убитых и попавших в плен. Полная дезорганизация структуры армии и паническое бегство деморализованных остатков. Лишь малая часть войск сохраняла боеспособность и могла сражаться дальше. Дорога на Вашингтон была открыта для победителей. Победителя! Авраам Линкольн не был настоящим полководцем, но понимал, что победу южанам принес не формальный командующий генерал-майор Джонстон, а бригадный генерал Пьер Борегар, родовитый аристократ французского происхождения и по совместительству ярый ненавистник как самого Линкольна, так и всех продвигаемых им идей. И, в отличие от Джефферсона Дэвиса, он обладал куда более широким кругозором. Потому был куда более опасен для того дела, которому служил президент США.

* * *

И вот – совещание с кабинетом как результат допущенных просчетов и неудачного стечения обстоятельств. Хотя Аврааму Линкольну было не привыкать бороться с трудностями. Более того, вся его сознательная жизнь представляла собой эту самую борьбу. Пока что ему удавалось одерживать одну победу за другой. От сына фермера-бедняка, занимавшийся самообразованием, вечно испытывающий нехватку времени и денег... он дорос до самой вершины, до должности президента. Ну а то, что ему помогли стать президентом в обмен на содействие определенным замыслам... Что ж, в этой стране подобное уже давненько было в порядке вещей.

Линкольн окинул взглядом свой кабинет – не место, а людей, тех, кого выбрал сам или же кого ему настоятельно рекомендовали. Ганнибал Гэмлин – вице-президент. Оратор, яростный противник как самого рабства, так и излишней самостоятельности южных штатов, равно как и самого их образа жизни. Это был давний и последовательный сторонник Линкольна, не имевший идущих далее нынешнего поста амбиций. Человек-символ, абсолютно бескомпромиссный, местами чересчур радикальный. Зато ему Авраам почти что доверял.

Уильям Сьюард – государственный секретарь. А вот это был противник, конкурент. Не в общем курсе, а в самом прямом смысле. Он также претендовал на то, чтобы быть выдвинутым от Республиканской партии, но был сочтен не столь ярким, не способным вести за собой народ, одурманенный завлекающими речами. Но должность госсекретаря ему дать пришлось. Волею не самого Линкольна, но покровителей его. Явный завистник и наблюдатель, готовый при любом промахе урвать крошки со стола политического влияния. Линкольн бы с радостью избавился от него, но лишь тяжело вздыхал, глядя на вечно хмурое лицо госсекретаря, увенчанное большим носом.

Министр финансов Саймон Чейз. А этот и вовсе был правой рукой и одновременно голосом истинных правителей США. Да и не могли они допустить, чтобы финансами страны управлял чуждый им человек. Чейз был просто помешан на желании как можно скорее наложить руку на земельные владения богатых южан. Сначала продвигал достижение этой цели через первоначальное лишение плантаторов политического влияния, а потом использование судебной власти. Затем нужда прикрываться политикой и вовсе отпала, появилась возможность послевоенной конфискации земель. Ради этого, чтобы угодить и собственные амбиции, и желания финансовых воротил Севера, он был готов на что угодно. Авраам его откровенно побаивался, однако сделать ничего не мог. Неприкасаемая фигура.

Саймон Кэмерон, военный министр и просто продажное создание, готовое служить тому, кто больше предложит. Уж на что сам Линкольн готов был пойти на сделку с собственными идеалами и даже совестью – и порой шёл, чего уж самого себя обманывать, – но этот человек внушал ему искреннюю неприязнь. Сначала Кэмерон состоял в партии вигов, потом переметнулся к демократам, а уже затем снова переметнулся, на сей раз к республиканцам. Причина? От них было легче переизбраться в Сенат, только и всего. Зато, почуяв, откуда подул новый

ветер, мигом поддержал выдвижение Линкольна в президенты, но не просто так, а в обмен на должность в кабинете.

Зачем Линкольн согласился? Саймон Кэмерон хоть и был редкостно продажной тварью, но вместе с тем обладал немалым влиянием и большими связями, в том числе и среди вигов с демократами. Что ещё важнее, мог перетащить явно или заинтересовать тайно тех, кто был похож на него по моральным качествам. И вот это было действительно важно в преддверии надвигающейся войны. Ну а связи в военной среде делали назначение Кэмерона на пост военного министра наиболее логичным.

Двое последних присутствующих на совещании, министр внутренних дел Калед Смит и генеральный прокурор Эдвард Бэйтс, были на фоне прочих обычными тружениками от политики. Республиканцы. Поддерживали Линкольна во время избирательной кампании, разбирались в своих сферах ответственности. Вот, пожалуй, и всё, более ничего, что стоило бы отметить особо.

Линкольн, убедившись в том, что все собравшиеся сидят на своих местах и никто из них не выглядит слишком уж потрясённым и подавленным, произнес:

– Мы проиграли одно сражение, джентльмены, но не войну. Армия Мак-Дауэлла разбита, он не оправдал возложенных на него надежд. Нам повезло, что свара между Джонстоном и Борегаром не позволила последнему двинуть армию на Вашингтон. Иначе мы бы сейчас сидели не здесь, а в том же Нью-Йорке.

– Замену Мак-Дауэлла найти просто, но окажется ли она лучше, – проскрипел Кэмерон. – Есть Мак-Клелан, он устраивает многих.

– Мак-Клелан будет назначен, но вы не о том говорите, Кэмерон! – с трудом подавил раздражение президент. – Миссури и Кентукки! Эти два штата, считайте, уже присоединились к Конфедерации, удостоверившись, что та сильна и её войска способны побеждать.

– Зато Делавэр и особенно Мэриленд верны законной власти, президент, – искривил губы в улыбке Чейз. – Меня заверили в том, что элита этих двух штатов помнит то, кому обязана и что ей за это предстоит сделать.

Линкольн лишь кивнул, показывая, что услышал сказанное. Но сейчас самым важным было сказать о неприятном, но необходимом обманном ходе. О крапленном козыре, который следовало вытащить из рукава для того, чтобы обмануть тех, кто может стать врагом, и особенно тех, кто уже им стал.

– Нам необходимо ввести Юг в заблуждение, джентльмены, – вытолкнул из внезапно пересохшего горла эти слова президент. – Пусть подумают, что война идет с целью восстановить единство страны, а не для того, чтобы освободить рабов и осуществить перераспределение богатств Юга.

– Но это просто немыслимо! – Гэмлин вскочил с кресла так резко, словно чертик из табакерки, выталкиваемый оттуда мощной пружиной. – Господин президент, люди поддерживают вас и ваши бесспорно верные убеждения. Они не поймут... Ваша популярность, народная поддержка, она неизбежно снизится!

– Это разумный и необходимый шаг. – Чейз, как министр финансов и голос стоящих за спиной президента людей, иного изречь и не мог. – Поможет удержать хотя бы Делавэр и особенно Мэриленд. Иначе получим одобрение верхов, но ропот мелких рабовладельцев. А Борегар показал себя очень хорошим полководцем, способным к неожиданным шагам.

– Но Миссури... Кентукки, – простонал вице-президент. – Если уж идти на такое, то хочется быть уверенными, что все четыре штата останутся верны нам.

Военный министр лишь криво усмехнулся, процедив:

– У нас были шансы до Булл-Рана. Сейчас это невозможно. Армия Мак-Дауэлла не просто проиграла сражение, она была разбита и уничтожена более чем на треть. Это дало силу голосам сторонников Конфедерации и приглушило протесты патриотов. Часть поддержит

сецессию, другая часть побоится подать голос против. Остальные в меньшинстве. Да и эмиссары Дэвиса там не спят.

– Не вам одному больно, Ганнибал, – вздохнул Линкольн. – Я сам родом из Кентукки. Знать, что родные с детства места отрекаются от собственной страны... и не имеют возможности помешать незамедлительно. Единственное, что нам может удалиться – оторвать от Кентукки восточные области. По примеру Виргинии. Но лишь если примем ту самую резолюцию о целях войны. Она уже готова, представитель Кентукки Джон Криттенден готов предложить ее Конгрессу, как только мы ему это разрешим.

– Что она даст США, каковы выгоды? – деловито поинтересовался Бэйтс, по обыкновению своему подходивший к любым вопросам как прагматик. – Не станет ли лекарство хуже болезни?

– Не станет, – вновь твердо, без тени сомнений ответил Линкольн. – Мы умиротворим два рабовладельческих штата. Особенно Мэриленд, который вокруг нас. Это для начала. И главное – поседем сомнения в головах некоторых южан. В политике все средства хороши. Пусть мнят, что мы не покушаемся на основы их мира... пока он не рухнет вместе с этими застрявшими в прошлом людьми.

– Поддерживаю, – каркнул министр финансов Чейз.

– Если у нас нет другого выхода...

– Нет, Гэмлин. Выхода действительно нет, – покачал головой госсекретарь. – Иначе я бы не согласился.

Глава министерства внутренних дел лишь что-то пробурчал, способное при нужде сойти за согласие. И лишь Бэйтс был настроен довольно скептически.

– Принимать резолюцию, про которую заранее известно, что она не будет выполнена. Опасно! Я поддерживаю, но это может больно ударить по нам. Всем нам.

Но слова генерального прокурора были хоть и услышаны, но не восприняты серьезно. Судьба будущей резолюции уже была решена. Ведь Конгресс – это лишь видимость власти, что и неудивительно. Особенно учитывая тот факт, что даже президент не мог считать себя вольным в принимаемых им решениях.

Глава 1

КША, штат Виргиния, Ричмонд, август-сентябрь 1861 года

Став столицей Конфедерации, Ричмонд заметно преобразился. Если раньше это был все же скорее промышленный центр, то теперь город стал средоточием еще и светской жизни. Да, именно так, ведь, в отличие от США, Конфедерация была куда более развита в культурном плане. Разумеется, до европейских столиц и просто крупных городов Ричмонду было расти и расти, но сама тенденция не могла не радовать.

А ведь с момента сражения при Булл-Ране прошло всего ничего! Вот только время, как говаривал ещё не родившийся старик Эйнштейн, понятие крайне относительное.

Правильно, кстати, говорил. Потому как событий за сей отрезок времени произошло немало. Начать хотя бы с того, что, выполняя не приказ, но просьбу генерала Борегара, собранная с бору по сосенке в добровольном порядке кавалерия все же устроила остаткам разбитой армии Ирвина Мак-Дауэлла веселую жизнь. Никакого «правильного боя», исключительно наскок, обстрел и почти мгновенное отступление при первых же признаках опасности. Ведь целью было уничтожить побольше личного состава да посеять ещё большую панику в рядах и так разбитых янки. Вот мы и не совались добивать те части, которые были мало-мальски боеспособны.

Тактика «волчьей стаи», скопированная с реальных серых хищников, загоняющих стадо и выхватывающих самых ослабевших, сработала «на ура». Оно и неудивительно, ведь ею не раз пользовались. Хотя бы казаки генерала Платова во время отступления Наполеона «от Москвы до самых до окраин» моей настоящей и единственной Родины. В нашем же случае преследование не было столь растянуто во времени. Да и своя территория быстро сменилась на чужую. Точнее на покамест чужую, захваченную северянами при переходе через Потомак.

И всё равно – мало янки не показалось. Что же до нас, участвующих в рейде, то и для бойцов Конфедерации он даром не прошёл. Усталость – вот главный бич. Так что по истощении как сил, так и боеприпасов, пришлось поворачивать обратно. Ведь если бойцы из других частей могли худо-бедно, но воспользоваться трофеями без потери привычного качества боя, то мы... Не с нашими многозарядными винтовками, право слово.

К слову о трофеях. Их действительно было много. Оружие, амуниция, припасы. Хотя всё это богатство большей частью было брошено близ Булл-Рана или Сентервилла, но там тоже наши были, причем с четким приказом не забывать прихватывать всё мало-мальски ценное и компактное.

В общем, вернулись мы в Сентервилл, где покамест находилась вся верхушка военного командования плюс прибывший туда президент КША Джефферсон Дэвис, с чувством того, что не зря был прошедший рейд. А ещё с горечью от того, что от победы можно было взять куда больше, если бы не откровенно ошибочный приказ генерал-майора Джонстона не использовать основные силы армий для броска на Вашингтон.

И да, Джонстон следовал приказу, полученному от Дэвиса, тут никакого подвоха. Звездец, причём феерический... или даже венерический. Как стало известно несколько позже – Борегар не стал держать сведения в тайне, поделился с теми, кого отправил в рейд – президент Конфедерации действительно рассчитывал, что после разгрома верхушка США во главе с Линкольном как следует задумается и пойдёт на мировую, признав сецессию южных штатов. Уверен, что это заблуждение у него скоро развеется. Но вот здесь и сейчас оно доставило всей Конфедерации массу проблем.

В общем, нет слов, да и только. Зато было официально подтверждено моё новое звание полковника. Причём лично Дэвисом, который даже несколько благодарственных слов отдал, равно как и другим выделившимся в битве при Булл-Ране.

Ну что можно сказать о президенте КША после личного, так сказать, знакомства? Искренний патриот своей страны, который никогда и ни за что не предаст её интересы, но вместе с тем... Ограниченное восприятие действительности, отсутствие необходимого для политика гибкого ума – не гибкости принципов, эта зараза, к счастью, отсутствовала, – да и новые идеи он воспринимал хреновато. Борегар сей факт охотно засвидетельствует, имел сомнительное удовольствие пытаться убедить Дэвиса. В общем, неоднозначно... и отнюдь не лучший выбор в качестве лидера военного времени. Плюс отсутствие нормального, сильного кабинета. Тоска-печаль, больше и сказать нечего.

Сложная штука – жизнь, да и сюрпризы преподносить любит. Как приятные, так и не слишком. Насчет тех, которые «не слишком», уже ясно, но и хорошие имелись. Для начала, войска Потомакской армии все-таки продвинулись вперед, занимая вполне выгодные позиции, да и не столь уж далеко они были от Потомака. Половинчатое решение, но и то хлеб.

Это тактика со стратегией. А ведь была ещё и политика. Недаром спустя десяток дней после разгрома при Булл-Ране Конгресс США подал свой визгливый голос, плюнув в сторону Юга и собственных граждан так называемой резолюцией Криттендена. Дескать, «я не я и попа не моя», и вообще мы воюем исключительно за-ради того, чтобы восстановить единые и неделимые США.

К тому времени мы уже были в Ричмонде, равно как и некоторая часть из числа офицеров в высоких званиях, участвовавших в сражении при Булл-Ране. Почему? Да просто мне это нужно было по причине заключения контрактов на поставку вооружений с военным министерством. Ну а остальные... Тут следовало благодарить Борегара, который, понимая ситуацию, выжимал из президента переформирование своей армии, включение в неё тех частей, с командирами которых он не просто мог сработаться, но уже успешно это сделал.

Разумно. Очень! В привычной мне ветке истории подобного не было. Но там и Булл-Ран был яркой победой, но все же не той помесью резни и разгрома для янки, каковым стал сейчас. А считать победителем генерал-майора Джонстона... Нереально, однако. Всем было ясно, кто на самом деле стоял во главе объединенных армий, Потомакской и Шенандоа. Да и нельзя отмахнуться от его настойчивых просьб, обоснованных обещаниями того, что и так победоносная Потомакская армия станет еще более боеспособной. Дэвис, что ни говори, был патриотом Юга. К тому же Борегар готов был согласиться и на перевод к нему частей не полностью, а лишь офицерства, да и то выборочно, хотя не отказался бы и от рядового состава. Генерал... теперь уже генерал-майор – повышение было утверждено по результатам победы при Булл-Ране – знал принцип «проси больше – получишь сколько требуется» и не стеснялся им пользоваться.

Вот поэтому многие из высшего офицерства обеих армий и были здесь, в Ричмонде. Кто-то остановился в гостинице, некоторые у друзей или в снятом на время особняке. Собственно, как и я. Гостиница, учитывая наличие двух юных сестричек – несколько не тот вариант. А вот немаленьких размеров дом не в самом центре города, но вместе с тем в приличной его части – самое оно. Тут и друзья при необходимости остановиться могут, и гостей есть где принять. Да и положение, что ни говори, обязывает. Какое? Богатого плантатора и оружейного фабриканта, заключившего, ко всему прочему, контракт с военным министерством на поставку в армию Конфедерации винтовок системы «спенсер» и пулеметов «спенсера-станича». Последние, конечно, пока пробной партией и без очень уж четких временных рамок. Зато винтовки... Там число было немалым, и это ещё очень мягко сказано.

Зато и содействие было обещано. Какое именно? Помощь в поставках сырья, станков, вербовке рабочего персонала и инженеров. Военный министр Лерой Уокер был прозорливым

человеком и понимал – перевооружение армии необходимо, дульнозарядными винтовками, к тому же разнотипными, ко всему прочему, много не навоюешь, особенно если противник предпримет определенные шаги. Так что хлопот хватало, а фабрика разрасталась как вширь, так и в плане эффективности производства.

Но это там, в Бейнбридже. Здесь же, в Ричмонде, были иные дела, хотя и про фабрику забывать никак не стоило. В частности, нехилое такое значение имела встреча с теми самыми офицерами, которые при Булл-Ране явно и однозначно поддержали Борегара. И часть из них мне удалось пригласить к себе на предмет разговора о будущих сражениях и о дальнейших планах генерала Борегара.

Само собой разумеется, появиться могли лишь те, которые в настоящий момент присутствовали в Ричмонде. Более того, чей визит не вызвал бы излишних пересудов. Право слово, даже с моей увеличившейся известностью пригласить того же генерала Ли – это чистой воды фантастика! Зато Уэйд Хэмптон Третий, Бэртоу и Эванс – это да, это было реально. Да и повод имелся – то самое перевооружение армии, которое пусть в среднесрочной перспективе, но таки да, намечалось. А кто, как не производитель и первый «практический пользователь» оных мог лучше прочих ответить на неизбежно возникающие вопросы? Вот то-то и оно.

Очень хотелось бы увидеть Джексона, но, к моему огромному сожалению, это было невозможно. Доктор прописал тому как минимум неделю полного покоя. Понимаю, однако. Впрочем, мне уже было известно, что Борегар прежде всего упоминал именно этого человека как необходимого ему. Оно и неудивительно, ведь у холма Мэтьюз Джексон проявил себя во всю мощь. Это был даже не «стойкий оловянный солдатик», а настоящая «каменная стена». И, судя по предварительным сведениям, Борегар все же добьется своего, поменяв бригаду Лонг-стрита на бригаду Джексона. Очень хорошая замена, право слово! Да и Бэртоу взамен вечно чем-то недовольного Эрли – дело верное. Впрочем, насчёт последнего сам Борегар сильно думал, больше склоняясь к тому, чтобы заполучить обоих. Что до Хэмптона и Эванса – их и переводить никуда не надо, они и так состояли в Потомакской армии. Так что генерал Пьер Борегар шёл по правильному пути, подбирая такую группу офицеров, на которую действительно мог рассчитывать в своих начинаниях.

Вот и собрались в моем временном пристанище в Ричмонде командиры бригад Эванс, Бэртоу, командир «Легиона» Хэмптон... Это, скажем так, из новых знакомцев. Из старых же сейчас числился только Джонни. Степлтон вместе с Читомом Уитом занимались приведением «Луизианских тигров», с недавних пор ставших частью «Дикой стаи», к общим стандартам подразделения. Дело долгое, сложное, особенно учитывая буйный нрав тамошних ирландцев, но привычное. Ведь в «Дикой стае» их с самого начала было более чем достаточно. Ну а Фил Мак-Грегор, тот на некоторое время укатил в Джорджию по делам принятого от военного министра заказа для фабрики. Тут требовалось присутствие не просто доверенного человека, но ещё и офицера. Вот и получалось, что он подходил лучше остальных. Заодно и с родичами поводится, а то скучает же! А как иначе-то? Во-от.

Сёстры опять же. Если Елену ещё можно было бы аккуратно и вежливо изъять на тот период, пока обсуждаются важные военные вопросы, то вот Мари, младшего чертенка... Либо обидится, либо нет, но при обоих раскладах будет подслушивать. А учитывая внимательность господ офицеров... попадется ведь. Так что пришлось скрепя сердце разрешить остаться. Правда, взять клятву, что сей бесенок не будет открывать рот без моего на то разрешения или без прямого к ней обращения. Ибо нефиг!

Никак я не ожидал, что аккурат к этому времени до нас дойдет новость о принятой Конгрессом и одобренной президентом США резолюции Криттендена. А вот взяла и дошла, вызвав у большинства из собравшихся в курительной комнате особняка легкое замешательство.

– Может, Эйб в своем Вашингтоне сильно головой ударился об пол? – недоуменно хмыкнул горячий джорджианец Френсис Бэртоу. – Его собственные избиратели могут в смоле и перьях вывалиться. Аболиционисты такого ему не забудут!

– Испугался, вот и чудит, – скривился Нейтан Эванс, после чего вернулся к раскуриванию толстой бразильской сигары, что занимало его в данный момент куда больше, нежели странные телодвижения вашингтонских бонз.

– Обманывает, я таких мно-ого повидал в жизни!

Всё верно, Джонни, более чем верно. Твоё сильно развитое во время бытия ганфайтером и близким к криминалитету наёмником чутьё работает как часы. Сразу понял, что со стороны Вашингтона донёсся явственный аромат высокоуровневой «разводки». А вот джентльменам Юга это понимать куда как сложнее.

Зато Уэйд Хэмптон выдержал некоторую паузу, прежде чем поделиться своим личным мнением насчет свежепринятой резолюции янкесов.

– Янки тянут время. Обманывают нас, пытаюсь показать, что не будут покушаться на привычный нам образ жизни. И колеблющиеся штаты пытаются оставить себе верными. После Булл-Рана у них другого выхода нет.

– Хорошо сказано, Уэйд, – слегка улыбнулся я. – Сам бы лучше не произнес.

– Может, и выпьем за это?

– Позже, – отрицательно покачал я головой в ответ на предложение командира «Легиона». – Хорошо, что все тут собравшиеся понимают простую истину – Авраам Линкольн способен врать легко и непринужденно, даже не краснея. И вообще, если у него что-то и краснеет, то как у павиана, этой африканской обезьяны.

– То есть?

– У павиана красная задница, Бэртоу, – осклабился Эванс. – А Станич подразумевает то, что для понимания того, врёт Эйб или нет, с него надо снять штаны. Да только делать этого по понятным причинам никто не будет. Вот он и врёт, краснея лишь в неприличном месте, на которое джентльмену и смотреть-то зазорно. Прошу прощения, леди.

Леди, однако, не столь и смутились. Ну, Елена ещё пыталась что-то этакое изображать, а Мари лишь тщательно пыталась не рассмеяться в голос. Как ни крути, но постоянное общение с несколько изменившимся братом в моём лице не могло не отразиться на их мировосприятии. Учитывая же, что младшенькая и без того была тем ещё дьяволёнком в юбке...

– Немного не о том говорим, джентльмены. Есть резолюция, нет её, а война никуда не денется, – проворчал Бэртоу. – Даже если Борегару удастся перевести наши части под своё командование, что он будет делать дальше? Дадут ли ему действовать не от обороны, а иначе?

Правильные вопросы ставит! И ответы на них, которые прямо напрашиваются, не так чтобы сильно блещут оптимизмом. Нет, с переводом «особо активных» под командование столь же неугомонного генерала – это реально. Дэвис, как мне кажется, с удовольствием избавится от части головной боли, собрав всех «возмутителей спокойствия» в одну из армий. Зато насчёт позволения использовать активную наступательную тактику, тут уж вилами по воде. Особенно учитывая, что президент Конфедерации явно продолжает питать ложные надежды.

Примерно это я и ответил Бэртоу. Не шибко удивил, что и понятно, ведь Френсис на остроту ума вроде как и не жаловался. Ну а затем разговор плавно перешёл в изначально предполагаемое русло: перевооружение, новые тактические приёмы, необходимость отказа от плотных порядков и всё в этом духе.

Однако сам факт визита этих людей ко мне был крайне, просто чрезвычайно важен. Он означал, что те же Бэртоу и Эванс, командиры бригад, пусть и небольших, ничуть не считают для себя зазорным на равных обсуждать вопросы по дальнейшему ходу войны. Тут уж без репутации никак, именно она помогла мне пересечь пусть незримую, но явную черту, перейдя в разряд тех, кто уже может и имеет право обсуждать с серьёзными людьми серьёзные вопросы.

Оружейное производство и «Дикая стая» – вот те две опоры, на которых всё держится. Но, как известно, три – куда лучшее число. И третьей опорой должны были стать крепкие связи с определенной частью элиты Юга. Кое-что тут уже имелось, но предстояло сделать ещё парочку шагов. И главное тут – обойтись без излишней спешки, которая способна лишь испортить, но никак не помочь.

* * *

Ну а после случившегося разговора – пошло-поехало. В том смысле, что события понеслись вскачь. И начать следовало с того, что штаты Миссури и Кентукки послали США вместе с Линкольном и долбаной резолюцией Криттендена далеко и надолго, также объявив сецессию и выйдя из состава США. Естественно, за-ради того, чтобы присоединиться к Конфедерации. Правда, стоило отметить, что с Кентукки произошло примерно то же самое, что с Виргинией. Только от Виргинии откололась западная её часть, а от Кентукки соответственно восточная. Поболее трети, но меньше половины по площади. И отделившаяся территория быстренько так провозгласила себя отдельным штатом Восточный Кентукки. Пример ведь под боком, чего уж тут особо раздумывать.

Зато Мэриленд и Делавэр – эти штаты были... умиротворены, ожидать их выхода из состава США более не приходилось. И так-то надежд было мало, а после этой клятой резолюции особенно. Так что частично своих целей её авторы таки достигли. Зато не всех, далеко не всех.

Плюс было и дополнительное приятное известие на политическом фронте. Индейская Территория наконец оставила «брачные игры» и «шаманские пляски с бубном», приняв чёткое и окончательное решение – поддержать Конфедерацию, хотя и на определённых условиях. Каких? Немедленным наделением членов «пяти племен» правами, равными правам граждан КША, и последующим вхождением Территории в Конфедерацию на правах отдельного штата. Последнее, правда, обещалось лично президентом Дэвисом в течение двух последующих лет. Оно и понятно, слишком много мелких формальностей предстояло утрясти. Вместе с тем факт оставался фактом – впервые за очень долгое время индейцам было за что сражаться с реальными перспективами достигнуть этого. Не независимость – она в принципе была нереальна, – но вполне себе автономия, если говорить по сути дела.

Проблемы? Ну куда ж без них в тех случаях, когда дело заходило об индейцах. Незамедлительно подняли бучу семинолы, давно якшавшиеся с неграми и крайне прохладно относившиеся к идеям Конфедерации. Плюс особо хитрозадая часть чероки во главе с их номинальным на тот момент лидером Россом, а еще один из авторитетных вождей криков, Обитла Яхола. Эти три части, пусть и относящиеся друг к другу крайне прохладно, да и степенью неприязни к Конфедерации отличаясь – попытка просто отсидеться в стороне Росса и явные симпатии к Северу у семинолов и частично Яхола – сумели-таки договориться о совместных действиях. А договорившись, решили «смазать пятки салом» в направлении Канзаса. Ведь численность тамошних «раскольников» в сравнении с теми, кто был настроен на союз с КША, была весьма незначительна. Ко всему прочему, понимание, что сейчас войска Конфедерации, скажем так, одерживают победы, не способствовало их сидению на одном месте.

Для понимания случившегося дальше прежде всего стоило внимательно посмотреть на карту. Земли чероки бросались в глаза той их особенностью, что находились вдоль границы с Канзасом. Вдоль ВСЕЙ границы. Поэтому отколовшимся от основной индейской общности поневоле пришлось бы идти по их землям, прежде чем оказаться на территории северян. И вот тут была жизненно необходима поддержка Джона Росса.

Охреневшие от подобной наглости индейцы, решившие поддержать КША, сперва хлопали заметно вытаращившимися глазами в сторону образовавшихся отщепенцев. Правда, дли-

лось это состояние недолго, ему на смену пришло искреннее озверение. Учитывая же, что чероки, чокто и чикасо семинолов, хм, недолгоблывали, то неудивительно, что у них выиграло ретивое. Да и Обитла Яхола не пользовался особой любовью, но это так, к слову... В общем, с привычной их народу жестокостью, одни индейцы начали активно резать других. Да тут ещё и «горячие техасские парни» к делу подключились, стоило тем только намекнуть о том, что поддерживающие Конфедерацию индейцы как бы не против.

Итоги были, надо сказать, неоднозначные. От пустившихся в бегство семинолов вкупе с укрываемыми ими неграми осталось не так чтобы много. Крики-ренегаты пострадали поменьше, но их предводитель Яхола «отправился в рай для людей без головы». Какой-то особо ретивый чероки пусть и не снял с того скальп, но голову отчекрыжил, после чего предъявил своему командиру в знак доказательства смерти.

А вот Джон Росс с теми чероки, которые решились его поддержать, ушёл. Почти без потерь, потому как чероки не решились жёстко останавливать пошедших на прорыв соплеменников. И было очевидно, что этот чёртов раскольник ещё немало проблем доставит. Янки не такие идиоты, чтобы не воспользоваться тем фактом, что к ним перебежал, как ни крути, а номинальный лидер самого значимого с военной точки зрения индейского племени. Политика, она такая, заковыристая и своеобразная.

Покамест чероки оставались без лидера, но было очевидно, что на это место есть несколько кандидатур. И вмешиваться в это дело со стороны явно не стоило. Единственное, что было сделано – введены части для прикрытия границы с Канзасом ради усиления немногочисленных индейских войск. Ах да, ещё всем поддерживавшим КША племенам довольно толсто намекнули, что нужно создавать полноценные, правильно структурированные войска. Ведь ни для кого из понимающих людей не было секретом – северяне в довольно скором времени сунутся на Индейскую Территорию. Со стратегической точки зрения удар в этом направлении имел определённые перспективы.

Что же до лично моих интересов, то я никак не мог отвернуться от имеющейся возможности усилить «Дикую стаю» бойцами довольно своеобразного типа. А раз так, то и действия были вполне предсказуемыми. Туда был послан один из офицеров с четко заданной целью – организовать изначальную вербовку, прельщая господ индейцев немалыми по их меркам деньгами, отсутствием муштры в классическом понимании этого слова и перспективами сделать хорошую карьеру не просто в армии Конфедерации, а в уже получившей громкую известность части. А капитан Грегори Сильвертон, как ярко выраженный идеалист и одновременно весьма жёсткий человек, для этого очень хорошо подходил. Разумеется, после предварительно проведенной «политбеседы» на тему того, что с индейцами можно разговаривать сколь угодно жёстко, но непременно с уважением, учитывая их местами болезненно гипертрофированное чувство собственного достоинства. Наследие минувшего века, а то и большего временного промежутка, что был отмечен множеством поражений, но не сломленным боевым духом.

Количество индейцев, которые были необходимы? Минимум рота, но я и от пары бы не отказался. Использовать их в качестве обычной пехоты – это не совсем то, что надо. Зато конница с возможностью вести бой и в пеших порядках – совсем другое дело. Плюс тот факт, что индейцы были почти что идеальным вариантом для организации рейдовых групп в глубине вражеских территорий. Налетели, постреляли, выбили нужных персон, после чего пожгли-пограбили всё ценное и отступили. Привычная для их народа тактика, но именно ее янки не должны ожидать от «джентльменов с Юга».

Я сильно рассчитывал на успех порученной Сильвертону миссии. Если у меня имеется полк, то его стоит довести до полного штатного состава, но не абы кем, а наиболее отвечающими поставленным задачам бойцами. Потому мне и нужна была не просто кавалерия, а кавалерия весьма специфическая. Учитывая же, что из всех возможных вариантов подходили

лишь техасские рейнджеры и индейские головорезы... Второе получить было на порядок более реально, отсюда и предпринимаемые действия.

А вот обстановка на линии фронта, она, скажем так, не шибко радовала. В Виргинии всё было тихо и спокойно. Неудивительно, учитывая итоги Булл-Рана! Янки стянули большую часть сил в этом регионе поближе к Вашингтону, очень сильно опасаясь того, что армии Конфедерации всё же ударят по их столице. И вот как тут не вспомнить многоэтажным матом как генерала Джонстона, так и президента Дэвиса, отдавшего ему столь ненужный и откровенно вредный приказ «не преследовать разбитого врага»?

Только вот тихо было лишь на этом участке. Миссури и Кентукки, именно эти штаты стали точкой приложения сил с обеих сторон. Там «отличился» генерал Мак-Каллох, будь он неладен! Этот не самый лучший представитель офицерства неведомым образом сумел убедить начальство, что сумеет опрокинуть войска генерала Натаниэля Лайона. Впрочем, отчего же неведомым? Опираясь он собирался на ополчение Арканзаса и добровольцев из Миссури, которых спешно сколачивал в подобие полков местный уроженец и вояка со стажем Стерлинг Прайс.

Вот и что тут сказать-то можно? Ополчение – это хорошо, но лишь после того, как оно пройдет должную подготовку. А тут таковой практически не имелось. Мак-Каллох и Прайс вывели против войск Лайона свои части, числом превышающие противника более чем в два раза, но...

Вашу же мать, подавляющее большинство было не просто новобранцами, а новобранцами, которых никто ничему обучить толком не успел. Поэтому итог был, можно сказать, закономерен. Северян тупо завалили мясом! Генерал Лайон отступил, но сделал это в полном порядке, а потери его армии, уступающей конфедератам более чем в два раза, они были даже немногим меньше. Победа Конфедерации? Если её и можно было так назвать, то исключительно с уточнением – победа была не простой, а пирровой!

На фоне этой, кхм, «победы» множество столкновений в Кентукки, не принесших явного успеха ни одной из сторон, были не столь значимы. Проблема ведь была не в том, что генерал Мак-Каллох был бездарностью, а Стерлинг Прайс преисполнен слишком большого оптимизма насчёт своего необученного ополчения. Проблема – осознание хотя бы частью войск северян, что войска конфедератов можно если и не бить, то успешно им противостоять. Не зря же газеты Севера буквально на следующий день после «битвы в Миссури» взорвались десятками статей о мужестве генерала Лайона и о том, как он, уступая числом, заставил «проклятых рабовладельцев» почувствовать силу и дух храбрых солдат США. Моральное превосходство – вот что получили по факту солдаты Лайона. А это такая штука, которой легко поделиться с сослуживцами и не только.

Плохо! Теперь можно было со стопроцентной уверенностью сказать – надежды на то, что Булл-Ран будет висеть над головами янки, аки дамоклов меч, рухнули. Теперь это было всего лишь тяжелое поражение, заставляющее нас бояться, опасаться, но не ввергающее в пучину лютого уныния. Проклятье! Как ни крути, но от затягивания войны уж точно не отвертеться. А значит, нужно было кое-что корректировать в собственных планах. Причем той их части, которая требует воздействия не на врагов, а внутри самой Конфедерации. И тут не обойтись без тесного взаимодействия с теми, кого я уже могу считать своими союзниками.

* * *

Однако не работой и делами едиными. Как ни странно, стала складываться и личная жизнь. Причём я вовсе не имею в виду ставшие привычными загулы по борделям, ставшие в узких кругах довольно известными. К слову сказать, они не сошли на нет, просто сильно, скажем так, поубавились. Причина? Первая часть прибывшего с Индейской Территории подкрепления для

«Дикой стаи», в рядах которого обнаружилось одно, скажем так, неодобряемое в армии звено. Мне-то оно было пофиг, но остальные бы не поняли.

Ну да, очередная, мать её, амазонка, только индейского розлива! Со стороны обнаружить было весьма сложно, а собственно индейцы к подобным воинственным скво относились пусть не с восторгом, но с некоторой долей понимания. И уж тем более не собирались сдавать маленькую тайну соплеменницы каким-то там бледнолицым. Хотя и пытаться отстаивать попавшуюся не стали. Дескать, шанс был дан, а если не сумела водить нанимателя за нос достаточно долгое время – так это сугубо твои проблемы.

Как это чудо в перьях по имени Вайнона Килмер ухитрилось проколоться? Случай и особенности женского организма. Ей удалось успешно завербоваться к капитану Сильвертону, показав вполне достойный уровень боевой подготовки, да и внешность не давала поводов для подозрений. Этакая типичная пацанка, как её назвали бы много лет тому вперёд и в совершенно иных местах. Не особо выделяющийся бюст, легко скрывающийся под обмоткой, голос также вполне подходил, такой и у юных представителей мужеска рода порой встречается. Поэтому добралась до окрестностей Ричмонда без особенных проблем.

А потом... Та самая женская природа подвела. Уже в тренировочном лагере «Дикой стаи», где индейцы не то чтобы учились, а скорее переучивались с учётом того, что необходимо было знать и уметь любому «дикому». Сержант из числа инструкторов, обходивший утром казарму на предмет «не случилось ли чего нехорошего», обнаружил эту самую Вайнону в полупроснувшемся виде, но... на кровати было немалое количество крови. Естественно, первая мысль сержанта была о возможной поножовщине между горячими индейскими парнями. Всё же разные племена, да и традиции кровной мести были развиты неплохо, а заморочки с дуэлями индейцы не особо признавали, предпочитая ножиком, да лучше в спину. Вот и поднял сержант тревогу!

В общем, индейского новобранца «Вэйна Килмера» взяли за шиворот и, ткнув пальцем в кровь на койке, настоятельно предложили продемонстрировать организм на предмет того, куда ножиком пырнули. Ну а затем собирались было провести экстренное дознание с целью выявления любителя устраивать поножовщину, к тому же тайную. Вот только результат оказался далёким от того, чего ожидали. Сложно было не заметить под снятой рубахой обмотки, скрывающие пусть небольшую, но вполне себе женскую грудь. После подобного стало понятно, что никто «Вэйна» ножиком не тыкал, что тут совсем иная причина. Итог – пусть в переносном смысле, но пинок под зад с территории тренировочного лагеря и вычёркивания данного субъекта из числа новонаятых «диких».

Всё? Так, да не совсем. Вайнона, чертовка этакая, так и продолжила околачиваться в окрестностях то тренировочного лагеря, то близ мест в Ричмонде, где собирались «дикие». И столь усердно отиралась, что ухитрилась за довольно короткие сроки стать своего рода местной достопримечательностью. Вот и мне о ней рассказали офицеры «Дикой стаи», ведь травить разного рода байки и забавные истории – это вечная привычка, вне зависимости от места и времени.

Мог ли я не полюбопытствовать? Это вряд ли. Поэтому дня через два и оказался в одном из заведений Ричмонда. Где собирались не солдаты, а офицеры, особенно из числа «Дикой стаи», хотя и из других подразделений Потомакской армии часто заходили. А выпнутая из рекрутов «Дикой стаи» индианка, как нарочно, околачивалась поблизости. Причина? Попытка напроситься в действующую армию. Уж какая по счёту, одни демоны ведают. Джентльмены хоть и вежливо, но посылали её куда подальше. Хотя гнать подальше от входа в этот не то бар, не то ресторанчик не собирались. Достопримечательность же!

И эту самую достопримечательность нельзя было не заметить. Особенно мне, любящему подобных уникалов, выламывающихся из общих правил. Здесь в подобных случаях принято было посылать кого-то из obsługi, но не та ситуация. Я предпочёл выйти на улицу сам, подойти

к прислонившейся к фонарному столбу фигурке, которую можно было принять и за мальчишескую, после чего сказать:

– Пойдём. Ты ведь хотела привлечь внимание.

Больше никаких уточнений. Мне была интересна её реакция на сказанные слова, поймёт ли она эмоции, в них вложенные. Ведь «привлечь внимание» можно по-разному, в том числе и в плане личного интереса, ни разу не профессионального. Не удивлюсь, если кто-то из любителей экзотики уже пытался «заинтересовать» эту переодетую в парня девицу. Вот только интонации, звучавшие в сказанных мною словах, являлись направленными в иное русло.

Хм, а похоже, что поняла! Сначала сверкнула глазищами, а потом двинулась следом. Неспешно, не как собака, которую свистом подозвали. Точно не собака. Скорее уж нечто кошачьей породы. Причём из категории совсем диких и способных быть опасными для многих, особенно недостаточно осторожных.

Увидев, кого я притащил, собравшиеся офицеры смотрели весьма заинтересованно. Правда, от комментариев предпочли воздержаться, понимая, что это будет совсем неуместно. Зато потом расспросов не избежать. И достаточно будет ответить одному, чтобы затем разнеслось по всему обществу. Тоже обычное дело.

Пока же, сопроводив переодетую даму к свободному столу и предложив сначала ей присесть, а затем и сам устроившись не на самом удобном стуле, я спросил:

– Виски, вино, что-то иное?

– Кофе...

– Один кофе, чай, ну и всякое к этому, – произнёс я, зная, что оказавшийся поблизости местный «официант» и услышит, и запомнит. И когда тот испарился, посмотрел в глаза девушке и поинтересовался: – Зачем вам это всё, мисс Вайнона?

– Чтобы жить, полковник Станич!

Значит, она меня знает в лицо. Предсказуемо. А вот ответ, несмотря на краткость, сумел если не удивить, то впечатлить. Уже потому, что был понятен, хотя веяло от него неслабым таким пессимизмом. Попытка ворваться в ту жизнь, которая по умолчанию закрыта для прекрасной половины человечества в это время, и те немногие, кому удавалось прорваться, многое заплатили за шанс. Всего лишь за шанс, потому как пройти по не предназначенной для них социумом дороге удавалось малой части от осмелившихся сделать первый шаг.

– Понимаю. Но отчего здесь, среди нас, бледнолицых? Ты из какого племени?

– Чероки.

– Ясно. Судя по имени, первенец в семье.

– Вы знаете? – Неслабое такое удивление как во взгляде, так и в голосе. Совсем ещё юное создание. А может, вдобавок к этому и неумение держать чувства под контролем. Оно ведь не каждому дано. – Откуда?

– Читаю много. И интересуюсь теми, кого решил привлечь в своё подразделение. Но ты ответила лишь на второй вопрос, менее важный. Почти неважный.

– Там меня все знали. Здесь – нет. Была возможность показать себя.

– Кое в чём ты себя показала.

Вспышка гнева, с трудом подавляемая. Руки сжались в кулаки, прикусила губу... Наверняка для того, чтобы не сказать что-то грубое и совсем уж неуместное.

– Мне не это нужно!

– Верю. Но если бы ты хотела попытаться снова абы где, то попробовала бы... ту же границу с Мексикой. Там сейчас и отряды добровольцев наряду со сформированными частями.

– Я индианка. Недоверие будет всегда рядом. А вы набирали нас намеренно, зная о том, кто мы.

– В умении здраво мыслить вам не откажешь, мисс Вайнона. Это хорошо. Но после вашего столь яркого и запоминающегося разоблачения...

Вновь вспышка эмоций. На сей раз уже не гнева. Скорее уж досады, приправленной отчаянием. И слова...

– Я знала. Но должна была хотя бы попытаться.

– Сидеть! – Не повышая голос, я ухитрился вложить в это слово неслабую толику власти человека, привыкшего командовать. – Разговор не окончен. В «Дикую стаю», на поле сражений тебе не попасть... в ближайшее время уж точно. Вот только я не люблю отпускать от себя интересных людей. Посмотрим, что получится из неограниченного камня.

Непонимание во взгляде. Однако встать и уйти уже не пытается, что не может не радовать.

– Я хотела попасть на войну. Но вы говорите, что это невозможно. Тогда зачем?

– Ты хотела «жить». Вот мне и стало интересно, что может получиться из столь целеустремлённой особы. Я тебя проверю. Умеешь ли ты только стрелять – и как именно умеешь – или ещё и думать, находить выходы из сложных ситуаций, поступать не так, как другие. Теперь поняла?

– Наверное... Не совсем.

– Ничего, поймёшь. Возможно. О'Рурк! – Подождав немного, пока сержант-охранник дотопаёт до столика, я сказал, обращаясь к нему: – Завтра вот эта мисс, любящая переодеваться парнем и отзывающаяся на имя Вайнона Килмер, придёт в мой дом. А пока проследи, чтобы её разместили в одной из гостиниц. Не шикарной, но и не в клоповнике. В нормальном районе города. Номер пусть оплатят на длительный срок и не болтают о девушке в мужской одежде.

– Сделаю, командир.

– Не ты. Ты просто пошлёшь с ней одного из наших.

Сержант кивнул, показывая, что теперь понял совсем всё. Ну а я, прежде чем покинуть заведение, выложил на стол пять десятидолларовых монет, предварительно уточнив:

– Скажем так, это на «экипировку». Проще говоря, чтобы привела себя в вид, приличный для того, чтобы среди значимых людей показаться. На женском платье не настаиваю, можешь оставаться в мужском. Но в приличном мужском! То, что хорошо для новобранца с Индейской Территории, не годится для твоего нынешнего положения.

Во-от, теперь дошло. А то ведь сначала чуть было опять не вскочила, наверняка подумав, что я её в этакий наряд шлюхи из борделя облачить пытаюсь. А тут всего лишь пожелание выглядеть более прилично и... богато. Относительно, конечно.

Разговор оказался действительно интересным. И уже выходя на улицу, я был уверен, что та самая Вайнона завтра будет околачивать груши у моего дома если и не с самого раннего утра, то около того. Хотя бы из чистого любопытства.

Глава 2

КША, штат Виргиния, Ричмонд, октябрь 1861 года

Ох, нелёгкая это работа – из болота тащить бегемота! Хотя, кто знает, может, бегемота из болота тащить несколько легче, нежели губернатора Френсиса Пикенса в Ричмонд. Понимаю, дела штата и прочие важные факторы. Да и вообще теоретически может показаться, что мне к нему выбраться значительно проще. Да к тому же и правильнее. Так? Не совсем. Мне ведь нужен был не он в отрыве от всего прочего, а присутствие Пикенса именно тут, в Ричмонде. По какой причине? Борегар! Если в Ричмонде он ещё мог появляться, то вот прикрыться чем-либо действительно значимым для поездки в столицу Северной Каролины... Это было нереально. Мне же требовалось присутствие их обоих в одном месте.

К счастью, сам Пьер Гюстав Тутан де Борегар внял доводам разума о необходимости воевать не только силой оружия, но и в области высокой внешней и внутренней политики. А раз так, то и он отправил губернатору Пикенсу телеграмму с просьбой о встрече. И вот эта телеграмма была куда как весомее моей. Ну а для самого Френсиса Пикенса придумать повод засветиться в Ричмонде – это дело недюже сложное. Столица же. Многие власть имущие там обитают на постоянной основе, а другие частенько наведываются. Быть близ власти – это дело естественное для немалой части значимых персон в любой стране.

Конечно же, встреча должна была состояться не в моём особняке. Рылом пока не вышел – губернатора у себя принимать. Хотя двигаюсь в нужном направлении. Звание полковника, репутация среди тех же военных, плюс производство оружия не частным порядком, а по заказу военного министерства. Это из общеизвестного. Что же до скрытого до поры от широкой общественности – причастность к «схватке бульдогов под ковром», то есть к тайным политическим играм и откровенным интригам, что набирали силу в только что образовавшемся государстве. Уже сейчас можно было записать себе в актив удавшуюся авантюру с приобретением зародыша флота Конфедерации, равно как и попытки стимулировать развитие строительства флота собственного. Правда, машины по-любому придётся заказывать в Европе, ну да и морской блокады в её полноценном варианте сейчас просто не существует.

Впрочем, не о том сейчас речь. Точнее, не только о том. В любом случае встреча с Борегаром и Пикенсом состоялась в специально снятом особняке, без особого привлечения внимания к оной. Более того, в самом особняке и поблизости от одного находилось большое число охраны из числа бойцов «Дикой стаи». Изначальных бойцов, а не из числа последних и не очень пополнений. Паранойя? Возможно, но лучше наладить охрану сейчас, чем потом получить мучительно болезненный свинцовый привет в спину или в лицо, невелика разница. И не надо мне про то, что время для заказных убийств врага неподходящее. Оно ВСЕГДА подходящее. Просто есть определенный барьер, который преодолевается с течением времени. И когда он будет преодолен – зависит от очень многих факторов.

Многолюдства на встрече не планировалось, только сам Борегар, Пикенс, да я с ещё одним человеком из числа особо доверенных. Это я про Джонни, если что. Сейчас мне нужен был именно он, как лишённый даже тени рефлексий и моральных терзаний по разным мелким поводам вроде «не совсем джентльменских поступков». Ведь речь пойдёт в том числе и о них. Кстати, в чинах Джон Смит тоже подрос. Аккурат до майора. Он всё так же командовал первой ротой «Дикой стаи», но это теперь была отнюдь не основная его обязанность. Ну а что именно было его основным «фронтом работ»? Помогал мне... проблемы решать. К примеру, с «подземкой», борьба с которой была не то что не завершена, она и разгореться по полной не успела. Вершки малость пообкорнали, а вот корешки в землю ушли. Жаль, что в переносном смысле этого слова. И их предстояло долго и упорно выковыривать.

Я, как и было уговорено с Борегаром, появился тогда, когда губернатор Пикенс уже был на месте. Забавно, однако. Особняк и окрестности напичканы охраной, словно гусь яблоками, но всё же просьба прийти чуточку позже, чтобы Пьер Борегар имел возможность «настроить мистера Пикенса на предстоящую беседу». Впрочем, никаких возражений не имелось, да к тому же, если бы что-то не то говорилось, то один из моих «диких» непременно бы доложил. Ага, только так и никак иначе. Эти ирландские головорезы до сих пор были крайне недоверчивы ко всем, кто был не из их круга. Стоило ли это исправлять? В ближайшее время точно нет, недоверчивость в нынешних условиях – крайне полезная карта, которую стоит разыгрывать. Ведь меня они после Чарльстона и Александрии числили не просто за щедрого и выполняющего обязательства нанимателя, но словно бы за одного из людей «своей крови». В несколько меньшей степени это же относилось к моим друзьям. Кельты, тут нет ничего удивительного. Клановость, обособленность, недоверие ко всем иным. Недаром они и к началу ХХI века в Америке по большей части так и живут отдельными структурами, почти не растворяясь, сохраняя исконную самобытность.

В любом случае, когда я постучал в дверь особняка, мне открыл один из них, по фамилии О'Райвен. Имени его я банально не помнил, но тут достаточно и фамилии, равно как и общего узнавания.

– О'Райвен?

– Всё тихо, командир. Чужих вокруг не заметили, внутри тоже... хорошо. – Это так он сообщает, что в разговорах Борегара и Пикенса не было ничего мне вредного. И лишь потом переводит взгляд на Смита. – Майор. Чего прикажете?

Этот вопрос явно ко мне. Но приказов особых нет, разве что закрыть дверь и остаться поблизости. Ну а мы с Джонни проходим внутрь дома, следуя за ещё одним «диким», который сейчас играет роль проводника. Хотя планировка особняка мне и без того знакома, однако правила приличия надо чтить, куда ж без них!

Кабинет. Привычное место, где вполне пристойно беседовать в чисто мужской компании на важные темы. Именно там и находятся Борегар с Пикенсом. Перед нами открывается дверь, заходим внутрь, приветствуя обоих. И с еле слышным скрипом дверь закрывается, отрезая нас от находящегося там, снаружи. Что ж, пришла пора поговорить. О делах важных, неотложных, от которых отстраняться – себе дороже. И лишь несколько общих фраз ради начала разговора. Вопросы о здоровье, семьях, обстановке в Северной Каролине, на которые следуют вполне стандартные, ожидаемые ответы. Но вот прелюдия подходит к концу, уступая место сути сегодняшней встречи. И первые слова звучат от Борегара, как от «хозяина» дома.

– Мы многое потеряли за прошедшие два месяца, джентльмены, хотя многие считают, что, напротив, многое приобрели. Конфедерация потеряла...

– Миссури, Кентукки, Индейская Территория – это что, потери? – добродушно хмыкнул Пикенс, выпуская в потолок струю сигарного дыма. – Булл-Ран, при котором вы одержали блистательную победу, позволил этого достичь. И благодаря нашим общим усилиям Север не может установить блокаду наших портов, товары идут к нам и от нас.

– Вы правы, Пикенс, Булл-Ран позволил нам это. Но у нас была возможность развить успех, двинув армии Потомакскую и Шенандоа на Вашингтон. Он тогда являлся лёгкой добычей. А теперь? Мэриленд кишит войсками янки, туда так просто не пробиться. Да и риск велик. Теперь велик, а тогда всё было иначе. Президент Дэвис «почивает на лаврах», не видя надвигающейся угрозы.

– Угрозы? Поясните.

– За этим вас и пригласили, чтобы объяснить. По телеграфу и через посредников этого не сделать, – с некоторым надрывом в голосе произнес Борегар. – Конфедерация почти ничего не предпринимает в военном плане. Да, наши войска заняли Миссури и Кентукки, но это малая их часть. Основные армии стоят и ничего не предпринимает, ожидая приказов, которых нет

и даже не предвидится. Мы даём янки время набрать и обучить новых солдат. А это губительно для нас.

– Почему?

– Их просто больше, Пикенс. Нас около пяти миллионов. Их больше двадцати. При таком неравенстве надеяться только на оборону, значит, самим рыть себе могилу.

– Подтверждаю, – усмехнулся я, глядя на губернатора и отслеживая малейшие изменения эмоций на его лице дипломата со стажем. Они были, пускай и очень слабые. – И это лишь одна из проблем, причем нерешаемая. Зато другие мы можем повернуть в свою пользу. Вам это интересно?

Френсису Пикенсу было интересно. И слабое выражение эмоций не было признаком их отсутствия. Равно как и ранее задаваемые Борегару вопросы вовсе не означали, что матёрый дипломат и интриган ничего не понимал. Просто именно таким манером легче всего получать максимум возможной информации.

– Говорите яснее, Станич. Я слушаю вас внимательно, ведь прошлые беседы с вами и Борегаром были полезны для всех нас... и для Конфедерации. Да и не просто так вы оба меня сюда пригласили. Оба, Борегар, – слегка улыбнулся губернатор. – В русской столице я наблюдал множество придворных интриг, научился их распознавать.

– Ситуация такая сложилась, – без тени раскаяния пожал я плечами. – Вы бы и сами на нашем месте...

– Скорее всего. Но перейдём к делу. Что за угрозы, и как мы, тут присутствующие, можем на них повлиять?

К делу так к делу. По-любому Пикенс не собирается отмахиваться от проблем, что и показывает своим поведением. Следовательно, надо вывалить на него весь ворох имеющихся сложностей, в разрешении которых он, в своём теперешнем положении, может помочь.

– По делам армии. Генерал Борегар сделал всё, что мог, и даже более того. Он перетянул к себе в Потомакскую армию наиболее боеспособные части во главе с теми командирами, которые поддерживают его планы. Джексон, Эванс, Бэртоу, Хэмптон, ещё кое-кто. И именно в Потомакскую армию пойдёт большая часть оружия, выпускаемого на моём оружейном производстве. Военный министр Уокер в разговоре признал разумность подобного подхода. Что не может не радовать.

– Остаётся лишь получить приказ от президента, который не шёл бы вразрез со здравым смыслом, – тяжело вздохнул Борегар. – Пока же армия стоит на месте.

– Армия перевооружается, пополняется, обучается личный состав. Но в целом вы верно сказали. Главная ударная сила Конфедерации пребывает в пошлом бездействии. И изменить это можно, лишь когда зашевелиятся янки. Теперь к врагам внутренним, коих немало...

– «Подземка». И вообще аболиционисты.

Этими словами генерал сказал все, что только можно было сказать. Проблема присутствия вражеских агентов влияния и откровенных шпионов на территории Конфедерации была крайне серьёзной. Борегар сумел это понять, принять и дать добро на самые суровые действия против этой заразы. А вот президент Джефферсон Дэвис откровенно разочаровал. Получив подробный доклад, составленный не абы кем, а непосредственно Борегаром, он вроде бы и принял меры, но такие, что чисто курам на смех.

Как там звучало в его резолюции? Ах да, «принять должные меры по пресечению, поручить представителям власти на местах усилить наблюдение за подозрительными людьми». Ну и всё в этом же духе. Много слов, минимум проку. И никакого создания чего-либо наподобие полноценной контрразведки или тайной полиции. Слава богам, что хоть сам Борегар делал то, что было в его силах. Что именно? Помогал с документами, собственной властью командующего армией выделял железнодорожный транспорт, готов был предоставить как людей, так и помещения для содержания отловленных шпионов. Только благодаря этому работать

было чуточку легче. Ну и Пикенсу тоже отдельное спасибо. За что? Во-первых, за то, что не мешал моим парням резвиться на территории своего штата, откровенно игнорируя возмущённые вопли с разных сторон. Во-вторых, за те письма, которые он разослал губернаторам других штатов Конфедерации, где содержались просьбы о содействии в «устранении шпионов, работающих на янки».

Результаты работы? Хуже, чем хотелось бы, но лучше, чем было бы без поддержки этих двух персон. Да и многим губернаторам после получения подобных писем от коллеги было не слишком удобно гнать нас поганой метлой и откровенно мешать в отлове господ аболиционистов.

– Это серьёзно. Но я уже сделал всё, что вы просили.

– Да, – охотно согласился я со словами Пикенса. – Но пока президент не создаст министерство тайной полиции или любую другую структуру с подобной сутью, борьба с аболиционистами внутри Конфедерации будет малоэффективной. О, я понимаю, что ни вы, ни генерал Борегар не можете ТАК повлиять на президента. Но вот постепенно продвинуть саму идею необходимости тайной полиции среди его кабинета вполне возможно. Шаг за шагом, постепенно. К тому же у нас уже есть своего рода зародыш оной. Это даст нам определенные преимущества.

– Среди нас троих лишь вы, Станич, можете надеяться занять одну из основных должностей там. Я – губернатор и бывший посол. Генерал Борегар – командующий армией, его интересы в другой области.

– Единомышленники хорошо понимают друг друга, – улыбнулся я. – Не так ли, губернатор?

Ответ тут не требовался. По сути, я сейчас сделал довольно явную заявку на продвижение в определённой области. Наглость? Не совсем. Наглостью это было бы в том случае, не имея я за душой звания, репутации, материальных ресурсов, наконец. Да и преданных лично мне головорезов стоило учитывать, что не могли не понимать ни Пикенс, ни тем паче Борегар.

– Я намекну кое-кому тут, в Ричмонде, о необходимости тайной полиции. Осторожно, без нажима. Но ведь это не всё, да, Станич?

– Конечно же, губернатор. От дел внутренних перейдём к проблемам внешним. Конфедерации нужно признание на международной арене. Крайне необходимо! Сейчас «де-юре» мы мятежники, а Линкольн – законный правитель США в том понимании, которое было ещё год тому назад. И это срочно необходимо исправлять.

– Госсекретарь уже выполняет поручение, данное ему президентом...

– А успехи? – посмотрел я на бывшего дипломата с определенной толикой издёвки. – Понятно, успехов пока что маловато будет. И почему?

– Да ничего ценного в обмен на признание не предлагаем, – со свойственной военным прямоотой брякнул Борегар. – Все же свою выгоду ищут. И если не видят, то и связываться не станут.

Непривычный к подобной прямооте Пикенс слегка поморщился, но возражать не стал. Равно как и говорить, выжидая развития темы с нашей стороны. Понимал, что его собеседники и сами скажут. Ну да, скажем, причём незамедлительно. Но сперва...

– Джон, друг мой, а скажи, что сейчас в Мексике происходит? Кратко, по существу.

– Там Хуарес.

– Не настолько кратко.

– Да, командир. Его поддержал ещё Бьюкенен, что было неразумно. Его поддерживает Линкольн, правда лишь морально и финансово. Мексика под властью Хуареса набрала ещё больше кредитов, да к тому же отказалась по ним платить. К тому же ограбление нескольких «серебряных поездов», принадлежащих английским компаниям... – Смит усмехнулся, явно

вспоминая наши с ним собственные подвиги на ниве дел грабительских. – Всем ясно, что в Мексику вторгнутся иностранные войска.

– Это так, – подтвердил я сказанное Джоном. – Демократия в Мексике – это хаос, анархия и большие убытки для всех европейских игроков. По моим сведениям, сейчас они согласовывают кандидатуру на престол Мексики.

– Кто «они»?

– Испания, Англия, Франция. То есть те, кому Мексика сильно задолжала и отказывается платить по счетам. Это столь... демократично.

Борегар криво усмехнулся, также не будучи большим сторонником этой самой демократии. Неудивительно, учитывая его бес ведает в каком колене аристократическое происхождение. Что до Пикенса, так поднаторевший на дипломатическом поприще хитрец выжидал, мотая на ус все услышанное и увиденное. Но не только слушал, ещё и про уточняющие вопросы не забывал:

– Вы, Станич, уже не раз доказывали, что умеете добывать информацию и делать выводы. Может, знаете и кого именно хотят сделать королём Мексики?

Да, я знаю, вот только не скажу. Тут лучше всего будет ограничиться примерным прогнозом. Гораздо достовернее будет.

– То, что это будет кто-то из германских герцогов – однозначно. Как мне кажется, больше всего шансов у одной из ветвей Гогенцоллернов или же у Габсбургов. Испания предпочла бы первую династию, но... Сдаётся, первой скрипкой в сложившемся «оркестре» будет Наполеон III, император Франции. А он Гогенцоллернов побаивается, хотя никогда этого не признает. Поэтому я бы поставил на Габсбургов. Они для Франции не столь опасны.

– Тогда почему он не протолкнёт кого-то из своих родственников? – вновь задал вопрос Пикенс.

– Испания и Англия не позволят усиления Франции за океаном. Баланс интересов. Впрочем, это всего лишь личное мнение, не более того.

– Вернёмся к признанию Конфедерации другими странами, полковник. Как это связано с тем, что вскоре может произойти в Мексике?

– А всё куда проще, чем могло бы показаться, генерал. Даже сейчас США граничат с Мексикой в той же Калифорнии. То есть Хуарес сможет получать поддержку оружием, амуницией, просто деньгами от своего лучшего друга, старины Эйба Линкольна. Думаю, что королевы Виктория и Изабелла, а также император Наполеон III это хорошо понимают. Следовательно, нам есть что им пообещать. Конечно же не просто так.

– Это интересно. Продолжайте, Станич.

– Конечно, губернатор. В обмен на признание Конфедерация поддержит интервенцию в Мексику триумvirата европейских держав. И не только словами. В конце концов, Калифорния – штат, в котором присутствует определённая доля симпатий к нам. А глубокий рейд туда из Техаса через территорию Аризоны, как по мне, вполне возможен. Да и войск у янки в Калифорнии я бы не сказал, что очень много. Точнее, их там мало. Помимо признания, мы сможем получить из Европы то, что сейчас очень важно: паровые машины для строящихся кораблей, станки для оружейных производств. То есть те товары, которые сложно приобрести, минуя правительства тех или иных стран.

– Осталось самая малость – убедить в этом президента.

Ироничное замечание Борегара как нельзя лучше отражало главную проблему. Однако главным сейчас было иное – ни Пикенс, ни тем паче Борегар не выказывали сколь-либо заметного отторжения высказанной им идеи. И это было очень хорошо.

– Вы, джентльмены, можете не знать, но скоро состоится важное событие, – вкрадчиво начал Пикенс. – По случаю оформленной «де-юре» сецессии Миссури и Кентукки, а также присоединения к Конфедерации Индейской Территории, здесь, в Ричмонде, состоится приём.

На нём будут все важные люди, даже сам президент и члены его кабинета. Думаю, я смогу не только сам там оказаться – это для моего положения губернатора не представляет сложности, – но и вашего приглашения добиться. Вы, Борегар, озарённый славой Булл-Рана полководец. Станич же, помимо военных заслуг, известен как оружейный фабрикант, выполняющий заказы военного министерства. Присутствие таких людей будет воспринято должным образом. Но говорить с президентом буду я лично.

– Это естественно, – сразу согласился я. – Вы политик, губернатор, дипломат. Вам и карты в руки. Только ещё одно... И это может не очень понравиться вам, губернатор.

– Да?

– Увы. Я внимательно слежу за творящимся в Британии. В той самой, на которую наш президент возлагает особые надежды. И голоса их прессы, которая, что ни говори, отчётливо выражает интересы определенных группировок близ трона, звучат не лучшим образом.

– Точнее?

– Они нас не поддержат. Всё ограничится лишь словами, не более того. Теми словами, которые не факт, что перейдут даже в дипломатическое признание, не говоря уже о каких-либо льготах в покупке нужных для нас товаров стратегического назначения. Это опять же моё личное мнение, но... Вы же знаете, что оно уже не раз подтверждалось. Как сказал кто-то из англичан: «У нас нет постоянных союзников. Есть лишь постоянные интересы». Интересы же их, я имею в виду финансовые, очень сильно переплетены с банкирами Севера.

– Президенту я этого не скажу, – криво усмехнулся Пикенс.

– И правильно сделаете. Это покамест для внутреннего пользования. Да и вообще, Конфедерации лучше всего опираться на такие страны, как Испания и... Россия.

Смесь легкого интереса и сильного недоумения от Борегара. Сильного интереса и чуть менее яркого удивления от Пикенса.

– Испания – это я понимаю, – задумчиво протянул Борегар. – Куба и интерес части их аристократии к восстановлению власти над потерянными в давние времена колониями. Если Конфедерация просто не будет им мешать, то они будут в нас заинтересованы. Но Россия?

– Для начала, нам просто нечего делить. Их Аляска граничит лишь с английской Канадой, а это не наша головная боль. Богатая страна, в которой есть то, чего нет или мало у нас, но в которой нет или мало того, что можем предложить мы.

– Вы сказали «для начала», Станич. А что будет после этого вашего «начала»?

– Много важного и интересного для Конфедерации, губернатор. Но развивать свою мысль я пока не готов. Должно пройти определённое время, лишь тогда это можно будет сказать, будучи уверенным в том, что тебя правильно поймут. Но обещаю, что вы будете из числа первых, кто это услышит. Впрочем, даже уже сказанного мной должно быть достаточно, чтобы рассмотреть пользу установления отношений с Российской империей. Про Испанию и говорить нечего.

– Франция?

– Осторожность! Наполеон III коварен и слишком жаден до наживы. Тому доказательство недавняя война с Австрией. Он по сути предал своего итальянского союзника, погнавшись за сиюминутными выгодами. Хотя даже с точки зрения обычной логики он мог получить куда больше для своей Франции. Не-ет, когда имеешь дело с такими людьми, стоит держать в рукаве маленький, но кусачий пистолет.

– В ваших словах есть доля истины, Станич, – кивнул Пикенс, соглашаясь с немалой долей высказанного. – Что ж, я попытаюсь ещё до приёма попасть к госсекретарю. Будем надеяться, что мистер Тумбс прислушается к моим словам. Я же дипломат, пусть и в прошлом.

– Дипломат всегда остаётся таковым...

Пристальный взгляд в мою сторону.

– Вы понимаете. Это хорошо. Тогда осталось последнее, но важное. Если уж мы начали действовать совместно, джентльмены, то не будем «менять коней на переправе».

– В каком именно смысле?

– В прямом, Станич. Не пытайтесь переметнуться в другой лагерь.

– Другой бы оскорбился, но я понимаю суть ваших слов, Пикенс, – не улыбнулся, а скорее оскалился я, позволяя малой части истинной сути проявиться на лице. – Я убиваю, но не предаю.

– В вас, Борегар, я и не сомневаюсь. Вы более... понятны, – сделал неопределенный жест Пикенс. – Если быть совсем серьезным, то мы дополняем друг друга. У меня связи в кругах дипломатов и губернаторов. Вы, Борегар, пользуетесь огромной популярностью среди офицеров. Ну а вы, Станич, не только промышленник, но и военный, чей авторитет тоже немал, но иной, чем у вас, Борегар. Более мрачный. Это открывает иные перспективы.

– Суметь бы ими воспользоваться, – хмыкнул командующий Потомакской армией.

– Сумеет, генерал, – твердо, без тени сомнений произнес я. – Не мы, так кто?

Вот и что тут можно было сказать в ответ? Да ничего. Авантюрист, в то же время логично рассуждающий полководец и самую малость политик, Борегар просто не мог не воспользоваться случаем. Любим, который пошёл бы, по его личным убеждениям, на пользу Конфедерации. А Дэвис его... явно успел разочаровать, особенно сразу после Булл-Рана. Что же до Пикенса, то этот дипломат до мозга костей просто по определению не мог не плести интриги, стремясь продвинуться ещё выше, чем был в настоящий момент.

Красота, да и только! И никакой иронии, разве что са-амую малость. Ведь заручиться поддержкой двух столь значимых персон – это уже не абы что, а вполне значимое достижение. Да и Пикенс верно подметил, что мы трое друг друга взаимодополняем, поскольку у каждого свой «вектор приложения сил». Осталось лишь правильно использовать эти самые силы. Даже не просто правильно, а максимально эффективно. Иначе никак, слишком уж ситуация вокруг сложная. И всё более усложняется с каждым днём, пусть это и остаётся незаметным для большей части населения Конфедерации.

* * *

А наряду с большой политикой, направленной для получения максимального веса в Конфедерации, было и иное. Работа с отдельно взятой личностью, которая уже успела вызвать приступ лёгкого, а порой и весьма серьёзного удивления как у сестёр, как и у ближайших друзей. Ага, та самая Вайнона Килмер, которая раз уж вцепилась в меня, то отцепляться точно не намеревалась. Впрочем, сам дал ей даже не повод, а шикарную возможность.

Естественно, после того разговора она пришла. На следующий же день, с горящими глазами и желанием вырвать у богов, демонов или самой судьбы из глотки всё, что только получится. И было видно, что выданные ей полсотни долларов были истрачены с максимальным старанием, пусть и не с самым лучшим результатом. Да, она купила одежду. Причём далеко не самую плохую. Более того, даже часами обзавелась, видимо считая, что это придаст создаваемому образу определённый уровень. Разумно, логично, но проблема в том, что купленная одежда ей не шибко подходила. Хотя по-любому это было куда лучше, чем тот хлам, в который она была облачена при нашей первой встрече.

Вайнона не могла не привлечь внимание. Для начала обеих моих сестёр, которые сперва откровенно обомлели, увидев девушку в мужской одежде. Ну да, переодетая девушка вполне может обмануть мужской взгляд, но вот женский... это практически нереально. Причём если Мария, скользнув взглядом, лишь усмехнулась, то Лена сразу же задала вопрос:

– Это что и это тут зачем? Да ещё в таком вот виде!

Пришлось рассказать историю нашего с ней знакомства. Конечно же, не при самой Вайноне, отослав ту в мой кабинет в сопровождении одной из служанок ради показа дороги. Ну а обоим сёстрам я рассказал – уже после краткого рассказа о знакомстве – насчёт причин появления в нашем доме сей особы.

– Хочу проверить, она просто так или что-то интересное. Если последнее, то грешно разбрасываться возможностями, которые тебе прямо в руки идут.

– В загребушие? – усмехнувшись, уточнила Мари. – Хотя она не в твоём вкусе, братец, у неё и груди-то почти нет.

– Да не в этом же смысле, – досадливо отмахнулся я. – Меня её голова интересует. Одно дело, если это очередная «кавалерист-девица» Дурова на местный индейский лад. Другое – если вкупе с решимостью повоевать ещё и умные мысли в голове.

– Очередной опыт...

– А может, ещё и интерес, Мари, – подмигнула сестре Елена. – Наш братец тот ещё затейник. Хотя пока может и сам себе не признаваться.

Ну всё, начали мне кости перемывать в моём же присутствии! А вот что тут поделывать? Только осуществить «сто первый тактический приём», то есть бегство. В кабинет, чтобы хоть там скрыться от зацепившихся языками сестричек. Пусть уж если решили меня обсуждать, то вне пределов слышимости. Нервы, они свои, а не у дяди!

Тогда, во время первого появления Вайноны в моём доме, я просто прощупывал юную чероки на предмет общего кругозора, умения думать, находить решения в нестандартных ситуациях. Результаты оказались... не идеальными, но и не печальными. По крайней мере, имело смысл попробовать поработать над исходным материалом. Зачем мне всё это? Пожалуй, одна из отдушин, возможность переключения с важных дел на такую вот «тренировку для ума», где объектом выступала одна-единственная личность прекрасного пола, а не макровоздействия на ситуацию.

Хорошо ещё, что Вайнона умела читать, причём не по складам, а вполне уверенно. В противном случае не уверен, что стал бы всерьёз с ней возиться. А так... Первым делом она получила список книг, которые следовало изучить. И были эти книги из разных областей: военное дело, политика, история, иные знания. Для начала по паре книг из каждой области, ради общего представления и проверки усвоения информации. Их покупать не требовалось, все они имелись в моей здешней библиотеке. Поэтому получившая первую порцию начертанной на бумаге мудрости девушка была отправлена обратно в гостиницу с заданием прочитать, а потом появиться на предмет уточнения непонятого и проверки, что из прочитанного сумело остаться в её голове, стриженной под мальчика.

И понеслось. Это чудо – хорошо, что не в перьях – стало появляться пусть и не по чёткому графику, но довольно часто. И совершенно не пыталось обижаться в тех случаях, когда я, будучи занятым, переносил встречу на более поздний срок. Упорство и готовность грызть хоть глотки врагов, хоть гранит науки ради возможности прикоснуться к иной, доселе недоступной жизни.

Вот и сегодня появилась. И терпеливо ждала, пока я нарисуюсь. Первые пару раз то одна, то другая сестра просто приказывали слугам говорить, что меня нет дома, и следует появиться позже. Но упёртая индианка просто усаживалась поблизости от ворот и сидела там с невозмутимостью каменного истукана. Дескать, раз сказали ждать, так я и жду. А то, что поблизости, так исключительно от нежелания пропустить момент. В конце концов, Мари это стало раздражать, после чего она стала запускать сие чудо в дом с приказом сидеть тихо и незаметно, другим не мешая. Как правило, Вайнону сопровождали в библиотеку да там и оставляли. Типа раз брат решил тебя уму-разуму учить, вот и сиди в хранилище знаний, образовывайся в меру сил и возможностей.

В общем, произошло типичное ползучее вторжение одной девицы в пределы моего дома. Медленное, но упорное и планомерное. Порой я даже удивлялся, заходя в библиотеку и не находя там Вайнону, порой с неприязнью взирающую на текст той или иной книги, но продолжавшую перенимать ту или иную информацию из числа рекомендованной.

Там нашёл и в этот раз, вернувшись после разговора с Борегаром и Пикенсом. Меня явно заметили, но, согласно какой-то своей логике, продолжали молчать. Вроде как ожидание, когда на неё самую внимание обратят. В этом случае можно и спрашивать о чём-то. А так...

Что меня одновременно и удивляло, и радовало, так это отсутствие навязчивого любопытства относительно моих дел. Ведь юная чертовка не могла не понимать, в каких сферах мне приходится вращаться, какие вопросы обсуждать. Нет, информации об этом она не имела и иметь не могла. Но приблизительный уровень оценить – это совсем другое. Для этого достаточно было читать те же самые газеты. А Вайнона их читала постоянно и внимательно, это было одним из данных ей от меня советов.

Нда, загадочная персона. Хотя много ли я знаю об индейцах? Не в целом об этой расе, а о её конкретных представителях. Признаться, не слишком много. Зато теперь вот он, объект для изучения, сидит себе, страницы переворачивает, периодически в мою сторону поглядывая.

– Ну что, Вайнона, что читаешь? – полюбопытствовал я, присаживаясь напротив девушки. – И наверняка опять вопросы имеются?

– Мемуары Талейрана, мистер Станич. Одна из тех книг, о которых вы говорили.

Я с трудом удержался от усмешки. Ну никак не подействует на девицу разрешение обращаться по имени. То полковником величает, то мистером с добавлением фамилии. И откуда в её без пары месяцев восемнадцать лет такая вот тяга к субординации? Или это из никуда не схлынувшего желания таки прорваться в армейские ряды? Может быть, так оно и есть. Зато книга... Интересная и полезная для понимания такой штуки, как дипломатия во всех её гранях, в том числе и откровенно неприглядных.

– Император Наполеон I говаривал о Талейране забавные вещи. Например, что: «Лицо Талейрана столь непроницаемо, что совершенно невозможно понять его. Ланн и Мюрат имели обыкновение шутить, что если он разговаривает с вами, а в это время кто-нибудь сзади дает ему пинка, то по его лицу вы не догадаетесь об этом».

– В книге этого нет, – улыбнулась Вайнона. Похоже, цитата её сильно позабавила, раз позволила себе столь искреннюю положительную эмоцию. Это насчёт отрицательных выплесков чувств девушка не слишком умеет сдерживаться, а вот как насчёт чего-то хорошего – тут всегда пожалуйста!

– Оно и понятно. Кто ж про себя любимого подобное напишет. Особенно этот вот дипломат, обоснованно считающий, что язык дан человеку для того, чтобы как следует скрывать свои мысли.

– А вы сами?

Вот как хочешь, так и понимай! Вопросы любит задавать короткие и такие, что на них можно ответить по-разному. Хотя я-то её понимаю без особых проблем, но другим подобное не сильно бы понравилось. Да уж, необычная персона, как ни крути.

– Умею, но не люблю. Хотя бы потому, что в большинстве случаев лень одевать маску на лицо и на душу. Лучше уж уподобить свою суть кристаллу.

– Это как?

– Просто. Вот смотри, – сняв с пальца массивный серебряный перстень с изумрудом, напоминавшим о том памятном ограблении банка в Нью-Йорке, я показал его Вайноне. – У камня множество граней. Стоит его чуть повернуть, и то одна отразит падающий свет, то другая. И все грани разные, все они по-разному преломляют хоть солнечные лучи, хоть свет от керосиновой лампы. Так и у души есть множество граней. Не маски, а грани. Лучше идти по такому пути. Понимаешь?

Задумалась. Неудивительно, ведь загружать индианку из середины XIX века такими вот сложными концепциями на грани философии и психологии – тот ещё садизм. А с другой стороны, без этого никак, если действительно хочу попробовать получить из исходного материала нечто достойное.

– Я буду думать. Дух – это очень важно. Его цельность. Так предки говорили, жрецы так учат. Я почитаю Окасту, бога в каменном плаще.

– Так ты не христианка...

– Это плохо?

– Нет, но важно, – улыбнулся я. – Даёт тебе возможность смотреть на мир иначе. Может стать как преимуществом, так и уязвимостью. Но я попробую научить тебя использовать сильные стороны и сгладить слабые.

– А разве ваша, полковник, вера не требует иного?

Устами младенца... Хороший вопрос, хотя и несколько примитивный. Только вот мимо цели. Потому как назвать меня ревностным, да и вообще христианином было бы крайне сложно.

– Откуда тебе, Вайнона, знать мою веру? Или ты видела меня молящегося Христу? – Изумление. Интерес, желание спросить, впрочем, подавленное на корню. А ведь я мог бы ответить, хотя это было бы не совсем ко времени. Ну да оно и лучше. – Потом узнаешь и про мою веру, довольно необычную. Пока же Расскажи немного про своего Окасту. Мне интересно знать.

Вот мне и рассказали про довольно необычного бога... по нынешним меркам. Если же взглянуть в глубину веков, то подобных хватало. Окаста хоть особо и не выделялся на фоне особо ярких представителей, но среди богов чероки был наиболее интересным. Хотя бы из-за того, что был словно сшит из света и тьмы, добра и зла. Наставник в магии и любитель путешествовать от одних людей к другим, кого-то одаряя, а кого-то ставя в откровенно идиотские ситуации. Божество, забавы ради давшее поймавшим сжечь телесную оболочку на костре, а в то время, пока горел, поющее песни, пронизанные знаниями простыми и мистическими. Почитаемый бог. Ненавидимый бог. Мозаика... как и те люди, среди которых любил ходить.

Сам не заметил, как время оказалось не просто к вечеру, а уже к ночи. И ведь усталости совсем не чувствуется, несмотря на тяжелый день. Похоже, разговор с этой необычной девушкой послужил неплохим таким стимулятором. Но пора и честь знать. То есть приказать отвезти Вайнону в гостиницу, ведь не пешеходом же ей по ночному Ричмонду топать. Как-никак есть у меня чувство ответственности за тех людей, кого... Нет, не приручил, а кем заинтересовался. Поневоле задумался, а с каких пор эта чероки стала настолько интересна, что не жаль тратить время на то, чтобы довольно часто с ней вот так вот возиться? Загадка, да и только.

– Сейчас я...

И вот кому я это сейчас говорю? Девушка самым банальным образом отключилась, заснув прямо в кресле. Встав и подойдя к ней, я сначала аккуратно дотронулся до её плеча, потом попробовал растормошить. Впустую. Спит крепким сном. Оставалось лишь взять её на руки, мимоходом отметив, что девушка не сильно тяжелая, полсотни кило или немного больше, да перенести на диванчик. Так, теперь прикрыть лёгким пледом, да так и оставить. Разве что ещё прислугу предупредить, дабы не удивлялись подобному сюрпризу с утра, когда придут сюда пыль смахнуть.

Вот и что тут сказать? И впрямь пошаговое проникновение сначала в дом, потом... Потом пока ещё ничего. Хотя поднимать мне настроение у этой персоны получается неплохо. А дальше... Поживём-посмотрим.

Глава 3

КША, штат Виргиния, Ричмонд, октябрь 1861 года

Иногда в сети, предназначенные для мелкой рыбёшки, заплывает куда более ценная и зубастая добыча. Это называется фарт! Буквально через несколько дней после состоявшегося с Борегаром и Пикенсом разговора в Ричмонд прислали очередную «партию» пойманных членов «подземки». Их было немного, всего восемь, но на одного из них просили обратить особо пристальное внимание. Почему? Этого второй лейтенант ди Ченто не знал, но в прилагающемся к пленникам письме всё же черкнул несколько строк, объясняющих его подозрения.

Арестованный по подозрению к причастности к «подземке» Грегори Мюррей был слишком податлив. Признал свою причастность к попытке освобождения рабов и переправке их на Север, но и только. Более того, даже привёл доказательства своей причастности, изображая не то чтобы раскаяние, но готовность сотрудничать.

Почему Мюррей не отпирался? Доказательства его причастности к аболиционистам были железные, при нем имелись немалая сумма денег и рекомендательные письма к видным квакерам штата Южная Каролина. Тем самым, которых пока нельзя было взять за шиворот, но чья причастность к аболиционистам была очевидна для умеющих думать.

Подозрения же, возникшие у лейтенанта ди Ченто... По его словам, Грегори Мюррей был слишком «чистым и лощёным» для простого члена «подземки», занимающегося исключительно содействием беглым рабам. И манера держаться, она была свойственна лишь имеющим привычку отдавать приказы. Не военный, но обладающий властью. Именно такое впечатление он произвёл на лейтенанта. Ди Ченто изложил свое мнение довольно сумбурно, со свойственными итальянцам живописными оборотами, но суть я ухватил. Мюррей не соответствовал взятой на себя роли. Той роли, которую он мог разыгрывать, попавшись, дабы избежать куда более крупных неприятностей. И это значило одно – с ним требовалось побеседовать. Лично, без проволок.

Дом на окраине Ричмонда. Ничем особо не примечательный, но именно такой и требовался для того, чтобы послужить в качестве базы для тайной полиции. Довольно обширный, плюс подвалы, в которых можно было как хранить некоторые нужные вещи и особенно документацию, так и использовать в качестве небольшой тюрьмы для особо важных или в настоящий момент жёстко допрашиваемых персон. Окна... с решетками. Пусть они выглядели как элемент декора, но прочность была очень даже приличная. Через них не выбраться, никак. Да и ограда вокруг дома тоже не способствовала попыткам как проникнуть на территорию, так и выбраться оттуда.

И охрана. Сейчас – да и в любой момент времени – в особняке и поблизости находилось не менее двух десятков до зубов вооруженных «диких». Вооружённых не на показ, конечно. Так что при себе имелись лишь пара револьверов или же пистолетов «вулканик», это уж исходя из предпочтений того или иного бойца. Что же до более серьезного оружия, так и оно имелось. Честно сказать, в доме находился мини-арсенал из полусотни «спенсеров» и даже одного пулемёта на совсем уж маловероятный случай попытки штурма превосходящими силами. Безумие? Отнюдь. Просто желание с самого начала приучить «диких» быть готовыми к нападению с любой стороны.

Мы с Джонни прибыли на «базу» не совсем ранним, но всё же утром. А чего время-то тянуть? Есть интересный объект, имеется желание вдумчиво с ним поговорить.

Разумеется, оказавшись внутри дома, я не собирался спускаться в подвальные помещения, где сейчас находились присутствующие тут пленники. К чему? Есть специальная комната для особо интересных «гостей». Там и интерьер приличный, и в то же время можно проводить

допросы сколь угодно высокого уровня. Обстановка, так сказать, не пострадает. В отличие от объекта допроса. Ну а на случай форс-мажора имелась и квалифицированная медицина в лице врача, не слишком связанного клятвой Гиппократ. Ага, я про Маркуса Шмидта, который в настоящее время занимался не только передачей опыта наиболее способным бойцам из числа «диких», но и помогал в работе с вразумлением аболиционистов. Вот и сейчас он вполне мог понадобиться.

– О’Рурк, – устроившись в специально подобранном под себя кресле, обратился я к сержанту, который окончательно стал кем-то вроде телохранителя и порученца – проследи, чтобы сюда из подвала доставили Грегори Мюррея. И доктор Шмидт пусть будет готов появиться.

Ирландец лишь кивнул и утопал в нужном направлении. Молчалив, зато верен и исполнителен. Главное, не требовать от него ничего сверх того, на что тот способен. Иными словами, не нужно излишне напрягать его мозг. А вот Джонни, тот, наоборот, с каждым месяцем всё сильнее качает «мозговую мышцу». Понимает, что в нынешних условиях ум становится наиболее важным качеством, поважнее хитрости и изворотливости, на которые он раньше опирался в несколько большей степени. Хотя и про них тоже забывать не намеревался. Понимал, что в игре против агентов янки все средства нужны и важны.

Вон он, стоит, к стене прислонившись, пепел прямо на пол стряхивая. Учи его, не учи его, а эта привычка, как я понял, воистину неискоренима. Хорошо ещё, что в жевании табака не замечен, право слово! Эти «жевуны» просто удручают. Меня так точно, порой доводя до приступов с трудом подавляемой злобы. Слава богам, что среди ирландцев таковых как-то нет, сия привычка им не свойственна. Откуда столь сильное раздражение? Так ведь они плюются, как стадо верблюдов! Табак сильное слюноотделение вызывает, вот они и следуют «зову природы», порой прямо в помещениях. Мрак, да и только. Конечно же это больше у простых людей, но неприятно же. Ладно, не суть. К тому же Джонни явно хочет чем-то у меня поинтересоваться, но почему-то не решается.

– Говори уже давай.

– А не зря ли мы сюда приехали. Вик?

– Не зря, Джонни. Чутьё подсказывает, что такие вот «мюрреи» могут быть оч-чень интересными. Это не мелочь, как ты думаешь, да и узнанное нашими людьми в Южной Каролине кое-что подтверждает. Телеграфировали уже. О, вот и шаги.

Я не ошибся, шаги были как раз теми самими. Уже через несколько секунд дверь открылась, и вошёл сначала О’Рурк, а за ним ещё двое «диких», конвоирующих арестованного аболициониста. Связанные за спиной руки, общая потрёпанность, но цел, здоров и даже не исхудал от нервов. Именно от нервов, а не от недокорма, потому как голодом морить тут точно никого не собирались.

– Сержант, останешься здесь. Остальные – свободны. Только руки арестованному развяжите.

Сказано – сделано. Каких-либо резких действий со стороны Мюррея я не опасался. Не потому что не учитывал их возможности, а по причине отсутствия серьёзной угрозы. На окнах решётки. Предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия, практически нет. Да и не ниндзя же он какой-нибудь, право слово! В случае же попытки дёрнуться его тот же О’Рурк своим пудовым кулачищем быстро в ум-разум приведёт.

– Присаживайтесь, Мюррей, – указал я аболиционисту на стоящий буквально посреди комнаты стул. Простенький, из разряда тех, который и сломать не жалко. – И побеседуем о делах ваших скорбных. Только не надо пытаться меня обманывать. Не люблю!

Молчит. С определённым достоинством присел на указанный предмет мебели, положил руки на колени. И смотрит... На меня, на Джонни, затем скользнул взглядом по комнате, задержавшись сначала на решётках, затем на стопке документов на моем столе. Интересный такой

взгляд. Подобный встречается у людей, не просто уверенных в собственных силах, но и привыкших в любую дырку без мыла вкручиваться. Нет, не зря я сюда приехал, совсем не зря.

– Поговорим, мистер Мюррей?

– О чём, мистер «не знаю как вас зовут»? – изобразил долю наивности «подземщик». – Я уже признался во всём, в чём была моя вина. Да, я считаю рабство заслуживающим уничтожения как явление. И не скрываю этого. Да, я хотел помочь беглым рабам пробраться к нам, в США. Именно потому у меня нашли деньги и рекомендательные письма к уважаемым людям штата Южная Каролина. Если я виноват, пусть меня судят. Честно, открыто, как и положено в цивилизованной стране.

– Суд от вас не убежит, мистер Мюррей, – слегка улыбаюсь, глядя на матёрого зверя, сидящего передо мной. – Вот только ваши дела мало общего имеют с беглыми рабами. Для начала посмотрим на список изъятого у вас имущества. Итак, начнём. Деньги, а именно двадцать три тысячи долларов золотом и серебром. Майор Смит, только мне одному кажется, что данная сумма сама по себе навевает на грустные мысли?

– Не только вам, полковник. Это большие деньги. А ведь были не только они.

– Все верно, майор. Ещё у этого благообразного господина имелся счёт... точнее, счета в банках, имеющих представительства как в Колумбии, так и в столицах иных штатов. И там у нас было...

– Более шестидесяти тысяч.

– Итого восемьдесят с лишком. Немало!

Промельк не страха, но тревоги в глазах Мюррея. Понимаю. Про то, что мы успели добраться до счетов, он узнал только сейчас. Неприятная для него новость, но раздавленным он не выглядит. И явно собирается выкручиваться.

– Это не преступление – иметь деньги. Я обеспеченный человек, разве это плохо?

– Нет-нет, это просто замечательно, – выставляю руки в как бы защитном жесте. – Не нервничайте. Ведь деньги в руках добропорядочного человека никогда не являлись преступлением. Да, не хотите ли закурить?

– Я не курю.

– Жаль. Успокаивает нервы. Тогда, может быть, глоток виски, немного вина или чашечку кофе?

– Кофе. Если вас не затруднит.

– О чём вы...

Протягиваю руку к стоящему на столе серебряному колокольчику и встряхиваю его три раза. Мелодичный перезвон сообщает о том, что это не тревога, а всего лишь требование появиться ради какой-то будничной услуги.

– Кофе, чай без сахара и виски, – посмотрев на Джонни, жестом показавшего, как он держит в руке стакан, приказываю появившемуся на пороге «дикому». – Ну а мы покамест продолжим. Знаете ли вы, distinguished мистер Мюррей, что банки просто и банки в воюющей стране – это две очень большие разницы? Вижу по глазам, что не знаете. Тогда разрешите прояснить вам сей любопытный нюанс. Конфедерация находится в состоянии войны с США, а потому банки, которые обслуживают интересы нашего врага, могут быть поставлены перед рядом очень неприятных процедур. Штрафы, ограничение деятельности, в крайних случаях даже конфискация. О, я вижу, что вы начинаете понимать!

– Конечно, понимает, – насмешливо хмыкнул Смит. – И беспокоится, потому что не лично деньги вносил, а переводили ему их с другого счёта. Из банка в Нью-Йорке. Того, который очень тесно связан с финансированием нынешнего президента, его избирательной кампании.

– Но ведь и это ещё не преступление, да, майор?

– Точно, командир. Только была одна ошибка. Маленькая, простительная. Зато интересная! Из того же Нью-Йоркского банка, с того же счёта шли деньги в поддержку Республиканской партии. Достаточно было лишь спросить у тех, кто пытался агитировать за Линкольна в Южной Каролине. Простой был вопрос: «Кто деньги давал?» И они ответили, понимая, что сейчас для них открытость – лучшая защита.

– Вот-вот. Ну что, мистер Мюррей, сами назовёте имя своего покровителя, или мне его произносить придется? Молчите? Понимаю.

Аболиционист, продолжающий держать на лице маску мелкой сошки, лишь пожал плечами и вновь попытался соскочить с опасной для себя темы.

– Есть филантропы, которые готовы давать деньги на благие дела. Иногда они любят известность, иногда остаются в тени.

– Тут можно было бы поспорить, но я не стану. О, а вот и напитки. Угощайтесь, мистер Мюррей, кофе тут варят хороший. – Дождавшись, пока принесший заказанное «дикий» вручит каждому из нас троих заказанное, равно как и того, что «подземщик» сделает первый глоток, я резко и четко произнес имя: – Джеррит Смит!

Ай как прелестно. Блюде, которое он держал в правой руке, осталось недвижимым... почти. Зато чашка с кофе в левой заметно дрогнула. В результате чего часть горячей жидкости выплеснулась наружу, попав ему на колени. Самообладание хорошее для этого времени, но всё же недостаточное.

– Понимаю, не ожидали вы услышать имя вашего, хм, «филантропа». Но реакция показывает, что именно он причастен к этим самым счетам.

– Может, это был и он, полковник... – сделанная пауза намекала, что Мюррей как бы не знает моего имени. Ну да, конечно, верю, аж слов нет. – Каждый человек имеет право перечислить деньги на счёт, помогая нам.

– Нам?

– Людям, которые хотят помочь находящимся в рабстве.

– Ну да, конечно. Особенно Джеррит Смит. Он вообще очень щедр в некоторых ситуациях. К примеру, именно он финансировал наверняка известного вам Джона Брауна, устроившего резню в Харперс-Ферри, в том самом штате, где вы сейчас находитесь. И в этой связи любые его «жесты филантропа» вызывают вполне обоснованные подозрения. Печальные для того, на кого они падут. Понимаете, мистер Мюррей?

Молчит. Выжидает. В этой ситуации всё верно, тут лучше молчать, нежели говорить.

– И вот что, прекращайте изображать, будто вы не знаете, кто я такой.

– Знаю лишь, что вы полковник, к вам так обращаются.

– Сложно с вами, но я привык. Ладно, представлюсь, а то и впрямь не совсем вежливо получается. Полковник Станич, командир подразделения «Дикая стая», а по совместительству ещё и ответственный за ловлю шпионов, работающих на США.

– Я не шпион, я лишь...

– Знаю-знаю, – небрежно отмахнулся я от «подземщика». – Наизусть успел выучить, хоть и знакомы мы всего ничего. А теперь перестаньте прятаться за свою маску и подумайте, что известного мне о вас и вашей связи с тем, кого можно считать давним и последовательным врагом Конфедерации – то есть Джерритом Смитом, если что непонятно – вполне достаточно.

– Для суда? – ухмыльнулся Мюррей. – Даже у вас на Юге засмеют.

– О чём вы, Грегори? – мягко произнёс я. – Какой к чёрту суд над шпионом янки, с которым я только начал общаться? Это было бы неразумно для любой структуры, занимающейся отловом шпионов. Вы привлекли к себе наше внимание, против вас говорят определенные улики. Не прямые, конечно, а косвенные. Так и мы не в суде. Косвенных улик вполне достаточно для того, чтобы перейти от разговоров к более жестким методам. Или вам кто-то сказал, что полковник Станич свято чтит законы и права человека? Так это вас кто-то сильно обма-

нул, мистер Мюррей, – говоря это, я скидывал с себя маску «джентльмена с Юга», которую старался поддерживать почти всё время. На его место приходил истинный «я», то есть человек ХХI века с привычкой не заморачиваться разными там гуманизмами по отношению к явному врагу. Ненавидящий все эти толерантности и политкорректности, даже в их зародыше. – Да вы пейте кофеёк, пейте, когда ещё придётся.

– Вы не посмеете.

– Это я-то? Эй, там, – позвонил я в колокольчик. – Доктора сюда, быстро!

* * *

Непонимание на лице Мюррея. Что ж, естественное удивление. Ведь зачем нужен доктор, если все присутствующие хорошо себя чувствуют? Зато Джонни хорошо понимал, что доктор доктору рознь. Особенно тот, который уже давно ничем не гнушается, тем более какой-то там клятвой Гиппократа.

– Доктор, давненько мы с вами не виделись, – поприветствовал я вошедшего Маркуса Шмидта с саквояжем, предназначенным как раз для таких случаев. – Вы готовы к работе?

– Как и всегда, полковник, – улыбнулся тот, ставя саквояж на стол и открывая его. – Моя цель вот этот потрёпанный джентльмен? Он у нас кем будет?

– Грегори Мюррей. Аболиционист, связан с «подземкой». Посланник Джеррита Смита.

– Того, который восстание Джона Брауна деньгами поддержал? – хмыкнул «добрый доктор». – Крупная рыба попалась! Мне как, постараться, чтобы он в целости был, или это не так важно?

– Важно, док. Он нужен не просто живой, но и без видимых повреждений.

– Как прикажете, полковник. Тогда... Иглы и вода. Ведро воды.

– Пожалуй, – согласился я. – Раз уж мистер Мюррей не хочет по-хорошему, придётся применить жёсткие меры.

Взгляд Мюррея перескакивал с доктора на меня, порой в сторону двери. Правда, дёргаться он пока не пытался, не то будучи в этом плане трусоватым, не то просто не до конца понимая ситуацию. Впрочем, определённые догадки в его голове точно ворочались, куда без этого.

– Зачем вам иглы и ведро воды, полковник Станич?

А голос-то трево-ожный!

– Это не мне, Мюррей, это вам. Видите ли, вонзая иглы в суставы, можно добиться дикой боли, а следов почти никаких. То же самое и с ведром воды. Самый простой вариант – опустить туда вашу голову и держать до двух минут. Волна панического ужаса поневоле возникает, когда мозг лишается притока кислорода. Правда, тут есть определенный риск. Чуть передержишь – и либо придётся откачивать вас, выталкивая воду из лёгких, либо и вовсе... Иногда от этого умирают. Поэтому куда лучше китайская пытка водой. Она длится дольше, но результат на загляденье. Хотите послушать? Ну, прежде чем испытать на себе.

– Здесь вам не Мексика, полковник Станич, – яростно сверкнув глазами, прошипел Мюррей. – Это вы лишитесь звания и пойдёте под суд! Даже если вас не выдадут собственные люди, я расскажу на суде всё об угрозах пытками.

– Так вы не первый наивный шпион. И не последний. Многие угрожали, да что толку? Поймите вы, что шпионы – явление особенное. Они живут вне закона, но и когда их ловят, на этот самый закон рассчитывать не приходится. Так поступали в Тайной канцелярии Российской империи во времена Ромодановских, Ушакова, Шувалова и Шешковского. Фуше и Савари в империи Наполеона I превращали якобинцев и агентов династии Бурбонов в куски воющего от боли мяса. А я вам не американец, а русский аристократ, поэтому все вопли о демократии

мне абсолютно чужеродны. И декабристская зараза, которую чуть было не подхватила Россия, меня также стороной обошла. Поэтому... О'Рурк! Взять!

Громилу сержанта два раза просить не стоило, да и команда знакомая. Взять – это значит схватить цель так, чтобы та и двинуться не могла. Вот он и ухватил Мюррея должным образом, в то время как доктор вернул «объект» в исходное состояние, то есть спутал болезного по рукам и ногам.

Кажется, именно в этот момент до Мюррея дошло, что сказанное мной не просто угрозы, а суровая правда жизни. Но попытки вырваться были обречены на провал, а вопли... Тут ими никого не впечатлить, все находящиеся в доме уже успели наслушаться, а посторонних здесь сроду не водилось.

– Иглы, док. Проба пера, так сказать.

– В локоть?

– Сначала да, потом запястье. Делай.

Шмидт к этому моменту уже успел потренироваться на предыдущих, столь же несогласных аболиционистах. Сначала у него получалось плохо, ведь искусство иглоукалывания тут совсем не развито. Однако тренировки на то и тренировки, чтобы постепенно совершенствовать своё мастерство. Да и требовалось не лечить уколами игл – вот это действительно сложно, – а всего лишь вызывать болевые спазмы, не причиняя телу видимого ущерба. В общем, док справился.

Вот и сейчас одна из игл вонзилась в локтевой сустав, сразу же вызвав истошный вопль и очередную попытку шпиона янкесов порвать путы, каким угодно образом вырваться... Нет уж, шалишь! Тут тебе не там, раньше надо было думать. Шпион, как я уже говорил – профессия рискованная, ставящая человека вне закона по определению.

– Запястье.

И новая игла, в ту же руку. Вопль не сказать что стал громче, но приобрёл иную интонацию, а там и сменился сложноразличимыми, но всё-таки словами. Смысл был понятен. Просьба прекратить и готовность начать говорить по делу. Что ж, большего мне и не надобно, именно этого и добивались. Шмидт сразу же извлёк иглы, поскольку надобность в них, я надеюсь, отпала. Не люблю этот процесс, отвратен он до глубины души. А что поделать? Добром шпионы никогда говорить не станут, а исключительно словесные угрозы редко когда действуют. Так было всегда и всегда так будет.

– О'Рурк, развяжи, дай водички или там виски, чего мистер Мюррей пожелает. – Кивок, и сержант начинает исполнять приказ. – Ну а вы не забывайте, что верёвки можно вернуть, равно как и иглы. К тому же у нас с вами ещё вариант с водичкой поразвлечься имеется. Ну так как, будем говорить?

Будем... Вон как головой мотает, показывая, что его желание к конструктивному сотрудничеству просто зашкаливает. Ну-ну, будем посмотреть.

– Итак, начнём сначала, – спокойно, без лишних эмоций произнёс я, когда Мюррей привёл себя в порядок, выхлебал полстакана виски и малость пришёл в себя. – Кто вас послал на территорию Конфедерации и с какой целью или целями?

– Мистер Джеррит Смит, – выдохнул склонённый к сотрудничеству аболиционист. – Я должен был контролировать участников «подземной железной дороги», чтобы они занимались важными делами, а не разной ерундой.

– Ерундой?

– Да кому нужны эти беглые негры, – от избытка эмоций махнул рукой Мюррей. – Их у нас на севере и без того огромное число. Ленивые, ни к чему не пригодные, крикливые. Только деньги выпрашивают у филантропов.

– Это они умеют, – усмехнулся я, вспомнив родное время. – Так в чём состояли важные дела?

– Наблюдение за перемещениями ваших войск, за отправляемыми и принимаемыми грузами в портах. По возможности найти тех, кто будет информировать о происходящем в доме губернатора и других влиятельных людей штата.

Типичный набор заданий для резидента. Не удивил, скорее подтвердил предполагаемое.

– Кто должен был всё это делать.

– Негры, конечно! Рабы есть везде: в порту, близ железной дороги, они же обслуживают военные лагеря, дерьмо вывозят, например. И слушают. У губернатора и крупных плантаторов – много слуг, которым достаточно хорошо заплатить. Вы что думаете, они откажутся от денег?

– Никогда не откажутся, – согласился я, не кривя душой. – Умные люди не питают иллюзий насчёт того, что раб всегда предаст, стоит лишь правильно его об этом попросить и мотивировать. Это с глубокой древности известно. Хорошо. Конечно же вы перечислите всех своих людей, как из числа аболиционистов, так и негров. При свидетелях, после чего напишете и заверите подписью. Понятно?

– Да. Но что будет со мной?

– Потом вас станут судить. Но поскольку вы всячески и по доброй воле помогали нам, глубоко раскаявшись в своих заблуждениях, то приговор будет не таким суровым, каким мог бы стать. Разумеется, лишь в том случае, если и на суде не станете делать глупостей. Иначе...

– Я понял, – тяжело вздохнул Мюррей. – У вас хватит отсутствия совести, чтобы меня нашли повесившимся на собственной рубашке.

– Это не «отсутствие совести», а всего лишь здравый смысл в шпионских играх, куда вы влезли давно и абсолютно сознательно, – парировал я. – Впрочем, мы отвлеклись. Зная особенности мышления вашего патрона, Джеррита Смита, я осмелюсь предположить, что он не ограничился бы простым сбором информации. Что ещё он вам поручил?

Замаялся мистер Мюррей. И раскалываться до дынышки не хочется, и в то же время понимает – попытка уйти от ответа или соврать однозначно повлечёт за собой продолжение знакомства с добрым доктором, который не только лечит, но и калечит.

– Можно ещё... виски.

– Конечно. – После полученного от меня разрешения, сержант, набулькав полный стакан, передал его допрашиваемому. – Пейте на здоровье. В вашей ситуации для нервов полезно. Но и про разговор не забывайте.

– Конечно, тут как забыть. Как бы это сказать...

– Да вы говорите, любезный, я уж как-нибудь пойму. Много чего слышать доводилось. Главное, не стесняйтесь и не опасайтесь моей реакции. Она будет печальная для вас лишь в одном случае – при попытке врать или недоговаривать.

– Вы умеете убеждать, полковник Станич. – Губы Мюррея искривились в жалком подобии улыбки. Опрокинув в себя ещё с половину стакана, он, уставившись взглядом в никуда, вымолвил: – Мистер Джеррит Смит влиятельный политик, он любит, чтобы всё происходило согласно его желаниям. Он не зря давал деньги Джону Брауну и другим. Кровь его не страшит. Вот и сейчас тоже.

– Неужто попытка создать нового «Джона Брауна»?

– Нет. Мне было поручено найти тех, кто сможет поднять восстание, когда войска США перейдут в наступление и достигнут границ штата. Купить оружие, патроны, найти командиров, понимающих в военном деле. Деньги нужны были и для этого тоже.

Джонни аж присвистнул от изумления. Мой друг не предполагал, что всё настолько запущено. Я же продолжил допрос.

– Что уже удалось сделать?

– Немного. Никто не рассчитывал, что вы начнёте аресты и убийства участников «подземной железной дороги». Это многих напугало. Мало кто хочет подвергать себя постоянной

опасности, даже за деньги. Большие деньги. Но удалось купить оружие. Пока немного. Баптистские и квакерские проповедники давно работают с неграми, они всегда нам помогали.

– Значит, с рабами у вас дела шли хорошо.

– Да.

– Кто с ними связывается? Вы, аболиционисты-«подземщики» или проповедники?

– Проповедники, – ожидаемо для меня ответил Мюррей. – Их не подозревают, они обычны. Хозяева считают, что религия делает рабов более спокойными, податливыми. Они ошибаются.

– Последний важный вопрос. Что в других штатах?

– Я не знаю. Я отвечал только за Южную Каролину.

– Но подобные тебе там есть?

– Конечно, – кивнул явно смирившийся с полным крахом аболиционист. – Как же иначе?

– И то верно. Теперь перейдём к бумажной работе. Сейчас вам дадут перо, бумагу и чернила. Будете писать большой труд на тему «Как я работал на США и чего добился на этом поприще». Писать будете с чувством, с толком, с расстановкой, ничего не утаивая. Затем вас снова допросят, уже сверяясь с изложенным на бумаге. Всё ясно? Тогда начали.

Да уж... Допрос резидента, отвечающего за подрывную работу в штате – это вам не допрос мелкого функционера. Из резидентов информацию выкачивают не один день, даже не одну неделю. Тут нужно сменять один допрос другим, причём допрашивающие должны меняться, сменяя друг друга, задавая вроде бы и одни вопросы, но с разными уточнениями и нюансами.

Однако это был успех! Основанный на первоначальной удаче, спору нет, но ведь известно, что удача улыбается тем, кто приложил к этому определённые усилия. Мы – приложили! Постоянный отлов членов «подземки» и иных агентов Севера принёс, наряду с обычными плодами, ещё и вот этот подарок в лице резидента. Закон больших чисел сработал в нашу пользу – среди мелочи в ловушку заплывла крупная рыба, которую сейчас и «потрошим» в меру сил и возможностей.

Куда пойдут полученные сведения? В работу, млин! Однозначно можно сказать, что агентура янки в Южной Каролине приказала долго жить. Если кто и останется, то это уже ошмётки, непригодные для того, чтобы вести целенаправленную подрывную деятельность. Кто-то успеет сбежать, это надо осознавать. Но в этом состоянии они опять же куда менее опасны.

Есть ещё и сам Грегори Мюррей, чью ценность местные однозначно не смогут оценить должным образом. За единичными исключениями. Ведь он – идеальный материал для пропагандистской работы, с какой стороны ни посмотри. Видный шпион, отвечавший за направленную против Конфедерации деятельность в целом штате. Живое свидетельство того, что видные персоны США финансируют и вообще подготавливают всеми силами и средствами очередные мятежи наподобие того, что учинил давно уже померший Джон Браун. Причём опора – те самые негры, которые всюду и везде, в любых домах верхушки Конфедерации. Пусть термин «пятая колонна» здесь пока неизвестен, но саму суть люди не смогут не осознать. Конечно, лишь в том случае, если пресса подхватит те разоблачения, которые должны прозвучать. А она, пресса то есть, подхватит, особенно если ей как следует заплатить. Как-никак представители прессы – вторая древнейшая профессия. Только они куда более дорогие, чем представительницы первой.

И кстати, у меня возникла ещё одна идея, очень интересная и вполне себе своевременная. Для первого шага по её воплощению в жизнь и требовалось самая малость – взять да отправить одну коротенькую телеграмму. В Новый Орлеан, одному знакомому ирландцу, Стэнли О'Галлахану.

День пролетел незаметно, зато весьма продуктивно. И чувствовалось, что еще несколько дней также будут забиты под завязку. Не только и не столько самими допросами, сколько нача-

лом реализации полученных во время оных сведений. Аресты оставшихся аболиционистов Южной Каролины, подготовка к тому, чтобы окончательно придавить замешанных в этих делах баптистских и квакерских проповедников, ещё некоторые важные дела. И нельзя было забывать о приёме в честь официального присоединения к КША Миссури и Кентукки.

Да и кто бы мне дал это забыть? И дело тут было не только в моих личных делах, но ещё и в желании обеих сестёр блеснуть в высшем обществе. Обеих, что самое интересное. Насчёт Елены я не удивлялся, тут дело естественное, зато Мария удивила. Немного, но удивила. Ведь она практически никогда не была замечена в стремлении выглядеть «как королева на балу», а тут... Наравне с сестрой гоняет портних с целью пошива не просто платья, а такого, которое будет максимально выгодно оттенять ее наиболее примечательные черты, да к тому же показывать стиль. Плюс драгоценности.

В общем, я не мог не полюбопытствовать, как только в очередной раз увидел... всё это.

– Мари, краса писаная, вот уж от тебя столь живого интереса к предстоящему приёму я не ожидал.

– А чем я хуже Елены? – притворно надулась младшенькое чудовище, но тут же хитро подмигнула и добавила: – Лен, вот ты сама что думаешь?

Старшая, ненадолго отвлекшись от перебора серёжек и браслетов, аккуратно извлекаемых из шкатулки, протянула:

– Даже не знаю. Замуж ты пока не хочешь, интересуешься тем, что девушке из хорошей семьи вроде бы и не нужно. Оружие, война, теперь ещё и интриги Вика. Разве что хочешь ему помочь... без его ведома.

– Умная же, когда от нарядов отвлечёшься, – «укусила» Мари сестру, как это она частенько делала. – Но да, хочу! Это ты у нас принца на белом коне ищешь.

– А что, нельзя?

– Можно. Только больше кони встречаются... в сапогах и одежде от лучших портных столицы. И зазывающе «ржут» при виде такой красивой девушки в нарядном платье и с дорогими драгоценностями.

– Ах ты мелкая...

– Тише, девочки, тише, – прервал я привычную для этих двоих, но неуместную сейчас перепалку. – Уверен, что каждая из вас поразит собравшихся на приём своей красотой, стилем и умением удерживать внимание. Однако... Мари, ты и впрямь хочешь чем-то помочь в столь необычной манере?

Младшая сестра посмотрела мне в глаза и твёрдо заявила, не отрывая взгляд:

– Да, хочу. Ты ведь от нас ничего почти не скрываешь, мы присутствуем при разговорах с твоими друзьями и союзниками. И многое понимаем, ведь не дуры. Догадываюсь, что ты добился приглашения на этот приём не просто так, у тебя есть планы. Скажи, какие именно эти планы, Виктор? Я знаю лишь часть, а чтобы помочь... лучше знать больше. Ты же мне... нам веришь?

– Кому же ещё верить, как не вам.

Никаких шуток. Этим двум девушкам я верил. Как-никак именно они в этом мире были ближе всего к тому, что называется семьёй. Собственно, они меня по-настоящему любили, считая родным братом. И разубеждать их в этом я точно не собирался. Более того, по возможности делал и буду делать всё, чтобы их жизнь была яркой, насыщенной, наполненной множеством приятных событий.

Желание Марии помочь... Кто я такой, чтобы мешать человеку идти по собственному пути, а не спокойно плыть по течению? Подобные желания надо не просто уважать, но ещё и содействовать. Правда, не следует забывать и о страховке. Ведь пожелавшая помочь не абы кто, а совершенно своя, ценимая и дорогая мне личность. Именно поэтому придётся внимательно следить, чтобы избыток энтузиазма не помешал.

- Так чем я могу помочь, Виктор? – напомнила о себе и своих стремлениях Мари.
- Можешь многим, но не сейчас. Сейчас же придётся начать с малого.
- С малого? Хорошо, но с чего именно?

Энтузиазм налицо... на лице. Вся такая одухотворённая, аж смотреть ещё приятнее, чем обычно.

– Смотреть и слушать, Мари. Звучит просто, но на деле это не самое лёгкое занятие, – заранее предупредил я, предвывая возможные обиды. – На приёме в честь присоединения к Конфедерации Миссури, Кентукки и Индейской Территории будут многие из числа власть имущих, включая самого президента и часть его кабинета. Формальная часть, то есть речи – это одно дело. Неформальная, следующая за речами, – совсем другое. Люди немного расслабятся, выпьют вина или виски, закурят сигару, их взгляд поневоле зацепится за прекрасных дам. Из числа тех, которые из их же круга. Понимаешь?

– С ними можно поговорить. И не прямо, а как бы на посторонние, светские темы. Да, братик?

– Хватаешь на лету, сестра, – ободряюще улыбнулся я. – Что ты, что Елена на приёме будете вполне себе комильфо. Сёстры полковника Станича, оружейного фабриканта и военного, отметившегося в нескольких местах, вызовут не просто интерес, но и желание поговорить. Нужно лишь сделать это правильно, вплетая в обычный разговор нужные вопросы, заданные как бы между делом. Неявные, но важные. А какие именно...

– Это ты мне скажешь.

– Эй, а почему только ей? – возмутилась Елена. – Может, я тоже хочу!

– Да хотя, Лен, я же не против. Но тут брату решать. – И тут же Мари не удержалась от ещё одной шпильки: – А может, он и эту, которая в библиотеке порой спать повадилась, на бал выведет.

– Индианку в штанах? – заливисто рассмеялась Елена. – Вот общество удивится-то! Хотя я бы не прочь попробовать её в платье обрядить. Мы две, такие красивые, а рядом она.

– Да. Но эта Вайнона забавная. Да и привыкла уже к этому библиотечному привидению.

Это да, привыкли. Обе. Порой и сами поговорить не против, хотя упорного желания носить исключительно мужскую одежду обеим моим сёстрам не понять. Хотя Мария может и догадываться, с ней станется. Главное, что неприятия не вызывает.

А ещё в разговоре всплыло соперничество между сёстрами во всей своей красе. До сего момента Елене было не слишком интересно, но как только она услышала о далеко идущих планах Марии, так сразу и сама захотела ей не уступить. Забавная она и милая. Разочаровывать её не собираюсь, но придётся поручить что-то совсем-совсем лёгкое. Хитрости и изворотливости у неё куда меньше в сравнении с Марией. Разные характеры, разный психотип.

– Если хочешь, то будешь. Работы на всех хватит, ещё и останется, – обнадёжил я Елену. – Сейчас вы окончательно разберётесь, как именно будете блистать среди других леди. Я же meantime расскажу, у кого и что хотелось бы узнать. А потом вместе подумаем, с какой стороны и какими словами лучше будет этих людей подвести к нужной теме. Согласны?

Ну ещё бы! Согласны. Мари изначально горела энтузиазмом. Ну а Елена готова из платья выпрыгнуть, только бы не уступить младшей сестре. Вот она, нездоровая конкуренция. Пользоваться ею девушкам во вред я точно не собираюсь, потом даже объясню про эти психологические шуточки. Но не сейчас, а чуточку позже. К примеру, после того самого приёма.

Глава 4

КША, штат Виргиния, Ричмонд, октябрь 1861 года

Это ещё не высший свет, но хотя бы робкая заявка на оный! Именно эта мысль пришла мне в голову после того, как я некоторое время понаблюдал за организованным в честь присоединения к КША новых территорий приёмом. Для провинциального города Европы – неплохо. Для столицы государства... тут ещё тянуться и тянуться. Вместе с тем было очевидно, что двигались-то в нужную сторону, с полным пониманием процесса.

Если же сравнить с тем, что было там, на Севере... Право слово, сравнивать не стоило. Юг инстинктивно тянулся к аристократическому. Север – это были типичные буржуа со всем, что из этого следовало. Исключения имелись везде, но они лишь подтверждали правило.

В целом можно было сказать одно – приём удался. Единственное, чего на нём всерьёз не хватало – господ дипломатов из других стран, особенно европейских. Ведь на такого рода мероприятиях они просто обязаны быть. Только для достижения подобного Конфедерации требовалось установить те самые дипломатические отношения, получить международное признание. Причём сделать это не после окончания войны, а сейчас. Мысли о том, как этого достичь, имелись. Оставалось лишь донести их до самой вершины власти КША. Только первые шаги предстояло делать не мне, а губернатору Пикенсу. Что же насчет генерала Борегара, так его порой чересчур прямые и резкие слова, плюс ухудшившиеся отношения с президентом Дэвисом не способствовали бы нормальному диалогу.

Мы прибыли сюда вчетвером: я, обе мои сестры и Вильям Степлтон. Пикенс, как и обещал, протолкнул меня в число приглашённых, равно как и возможность прихватить с собой ещё одного человека. Ну а Мари с Еленой сейчас выступали как сопровождающие нас с Вилли дамы. Мой друг официально явился с Еленой под ручку, что было вполне допустимым. Я же выводил в свет сестру, то есть Марию. Это было вполне допустимым по правилам местного этикета. К тому же для Мари это был по сути первый БОЛЬШОЙ выход в свет. Как и для Елены, но та была чуточку постарше и успела засветиться на нескольких приёмах там, в Джорджии. Мария же... могла, но не испытывала особого желания по причине иных интересов.

Что до подколок сестёр насчёт Вайноны, то это были всего лишь подколки и ничего больше. Хотя девушка и своеобразная, но выводить её сюда, да ещё учитывая, что она и женское платье... не шибко совместимы. Нет уж, в мои цели не входит эпатаж ради эпатажа.

Зато у Марии здесь и сейчас появился определённого рода стимул. Девушке всё так же было неинтересно «блистать в свете» и флиртовать с потенциальными женихами, зато прикоснуться к «мужским» по нынешнему времени делам вроде большой политики и дел военных – это её с некоторых пор самая большая мечта. И сейчас она делала всё, чтобы зацепиться в столь притягивающем её мире интриг, стали и крови. Сестрёнка порхала по залу, словно экзотическая птица, притягивая к себе взгляды не столько за счёт красоты и стиля – были более красивые, а стиль здесь значительно уступал европейским вариантам, – сколько за счёт своего рода ауры уверенности и целеустремлённости. Да и моя несколько скандальная слава поневоле отбрасывала на Мари свой отсвет. Стоило ли удивляться, что первый выход в свет Марии Станич, сестры полковника Станича, привлек внимание не только любителей женщин, но и более серьёзных людей.

Сестры? Да нет, сестёр, их же целых две. Просто Елена, что ни говори, была куда более типичной, предсказуемой. Но и она получала свою долю внимания, с ней тоже хотели поговорить несколькими словами, сделать пару-тройку комплиментов, пригласить на танец. А танец – это явление по здешним понятиям особенное, во время одного можно затрагивать куда более личные темы. В меру, конечно, но всё же. Не зря я говорил обеим девушкам, что доста-

точно лишь косвенными намеками пользоваться, чтобы переключить объект на разговор по интересующей теме. Надеюсь, что первый блин не выйдет у сестрёнок комом.

Что же до творящегося на самом приеме – это было весьма занимательно. Президент Дэвис, как и полагается довольно харизматичному и пользующемуся уважением лидеру, не преминул толкнуть вполне себе зажигательную речь, благо и повод для оной имелся. Три повода, а именно Миссури, Кентукки и Индейская Территория. Он довольно умело подчеркнул приобретения Конфедерации, вспомнил Булл-Ран, эту действительно выдающуюся победу, отдав должное талантам командующих и доблести офицеров и солдат. Однако все смутные моменты обошел. Понимаю, подобные собрания не место для минора, но мог бы и намекнуть, что враг по-прежнему очень опасен, необходимо не расслабляться, почивая на лаврах, а напротив, сплотить ряды и быть готовыми к новым сражениям во имя родной земли и всё в этом духе. Увы, ничего похожего не прозвучало.

Впрочем, этого следовало ожидать. Куда больше меня интересовал состав приглашённых на этот самый приём. Это и впрямь была самая верхушка Конфедерации. Присутствовали высокопоставленные военные и гражданские чины, включая большую часть кабинета. Богатые и уважаемые плантаторы, поставляющие хлопок и иные экспортируемые КША товары. Владельцы торговых судов, на которых тот же самый хлопок доставлялся в Европу, сделавшие ставку не на производство, а на транспортировку полученного продукта и поставку на Юг необходимых европейских товаров. А вот с промышленниками было туговато. Как ни круги, а земли, которые с недавних пор стали Конфедерацией, были в силу климатических условий ориентированы на сельское хозяйство. Большая часть производства была вынесена в северные штаты. Тогда это было нормально, естественно, разумно. Но вот после раскола США на две части подобное деление сильно ударило по Конфедерации, поставив оную в сильную зависимость от поставок извне. И хорошо ещё, что власть имущие в большинстве своём понимали всю опасность подобной ситуации.

Впрочем, эти мысли у меня сегодня были где-то на втором, а то и на третьем плане. Куда более интересовали те самые собравшиеся люди. И обещание губернатора Пикенса поговорить с президентом относительно наших планов. Самому мне соваться туда было глупо и бессмысленно. Для президента я слишком малозначителен, да к тому же считаюсь одним из людей генерал-майора Борегара, что, учитывая их «расхождения во взглядах», – не лучшая рекомендация в плане возможности нормального и конструктивного разговора. А вот Пикенс – это в самый раз.

Пока суд да дело, я успел перемолвиться несколькими нейтральными фразами с одними, поприветствовать других, относящихся ко мне с едва заметной или же заметной куда более симпатией. Немного потанцевал с парочкой прекрасных дам, которых привлекала не то моя известность, не то слухи о немалом состоянии семьи Станич. Или это попытки местных «столпов общества» аккуратненько так проверить меня на предмет готовности в ближайшем будущем сковать себя кандалами Гименея? Тоже нельзя исключать. В любом случае это было мило и местами даже забавно. Всё же эти юные леди середины XIX века так забавно смущаются и краснеют от некоторых слов. Не пошлостей, упаси боги, просто от тонких таких намёков. Да уж, Мари они точно бы не задели. Другая личность, другие взгляды на мир.

Вильям тоже развлекался в меру сил и возможностей. Привычное для него общество, путь и не джорджианское, а на порядок выше. Этот аристократ бес ведает в каком колене чувствовал себя тут как рыба в воде и даже более того. Ведь большинство тут присутствующих находились лишь на пути становления аристократией, в то время как он и еще кое-кто уже были ими. Важный такой нюансик, попрошу заметить.

Ну а меня в скором времени отловил первый из тех, с кем я хотел серьёзно поговорить. Сам отловил, что особенно характерно. И был это военный министр Лерой Уокер, с которым у меня сложились вполне себе деловые и взаимопользные отношения.

– Полковник Станич, – поприветствовал он меня. – Рад видеть вас на этом приёме. Приятная неожиданность.

– Я тоже рад видеть вас, министр. Действительно рад, – произнёс я, ничуть не покривив душой. – Да, я здесь, хотя мне пришлось задействовать некоторые свои связи.

– Не сомневаюсь. Генерал Ли, министр Мэллори или же губернатор Пикенс?

– Мне не хотелось бы...

– О, какие пустяки! – добродушно усмехнулся Уокер. – Я могу и сам узнать, ведь именно эти трое вами заинтересованы. Старина Ли не одобряет некоторые ваши методы, но признает их действенность. С губернатором Южной Каролины у вас давние связи.

– А министр Мэллори, он то здесь при чём?

– Вы приняли живое и непосредственное участие в покупке военных кораблей. Это дало ему возможность начать постройку собственного флота, а не тратить большую часть времени и ресурсов на перевооружение торговых судов, чтобы хоть что-то противопоставить флоту янки. Он чувствует себя немного обязанным. Немного...

Я лишь на пару мгновений склонил голову, тем самым выражая военному министру признательность за сообщённую им информацию. Ценную, что ни говори. Меж тем Лерой Уокер, явно загрустив, сообщил мне то, чего можно было опасаться, но удивляться чему точно не стоило:

– Скоро я перестану быть министром, полковник. Дэвис принесёт меня в жертву «балансу интересов», как он это называет.

– Это печально. Для меня особенно.

– Понимаю. Но этого я и ожидал. Почти все губернаторы штатов не могли не воспротивиться моему желанию забрать у них часть власти. Излишней власти, власти вредной, мешающей Конфедерации вести войну с сильным, превосходящим числом и связями врагом. Но я не жалею, ведь кое-что сделать мне удалось. Часть полномочий мне у них отобрать удалось. Малую часть, к сожалению.

Несмотря на произносимые слова, я видел, что Лерой Уокер серьезно расстроен и подавлен. Похоже, он надеялся, что у президента Дэвиса хватит силы воли отстоять его, «человека на своем месте», ещё на какой-то срок. Ан нет, не судьба. Хотя это и неудивительно, ведь Джефферсон Дэвис был личностью своеобразной, но не слишком подходящей на роль лидера ведущей тяжелую войну страны, уж мне ли не знать.

Пока ещё министр жестом подозвал одного из перемещающихся по залу слуг, после чего подхватил с подноса стакан с виски. Нет, даже не с виски, а с ромом. Залпом, конечно, не жажнул, но приложился к выпивке неслабо. Расстроен, чего уж там. Я же не мог не спросить следующее:

– Кого наметили вам на смену? Поймите, министр, мне это знать необходимо. Обидно будет, если на вашем месте окажется замшелый ревнитель старины, для которого мои винтовки и пулемёты – варварские и богонеугодные изобретения.

– Скорее вам стоит крепко держаться за кошелёк, Станич, – невесело хохотнул Уокер. – На моё место прочат нынешнего генерального прокурора, Джуду Бенджамина. Давний друг президента, он имеет на него немалое влияние. И очень плохо относится к Борегару и его идеям ведения войны.

– Плохо. Прижимистый друг президента, который непременно будет экономить на закупках нового оружия и скептически относится к генералу, выигравшему важное сражение. Печально.

– Не так печально, как могло бы быть, – саркастически ухмыльнулся Уокер. – Пока ещё я министр и буду таковым от пары недель до месяца. И поверьте мне, Станич, я с большим удовольствием испорчу настроение мистеру Бенджамину, заключив с вами ещё несколько кон-

трактов на поставку оружия и боеприпасов. Таких, которые новому военному министру будет очень сложно разорвать, не подведя казну под выплату больших неустоек.

– Не скажу, что не рад этому...

– Ваше оружие нужно Конфедерации, полковник. И не какому-то там адвокату ломать то, что я пытался построить, будучи на посту военного министра. Завтра жду вас у себя, Станич, вместе с бумагами, касающимися производительности вашей фабрики и планов по её дальнейшему расширению. Поговорим, затем при нас юристы составят договоры, после чего подпишем их. Всё к выгоде Конфедерации.

Конечно же я был согласен. Вот оно, уязвлённое самолюбие Лероя Уокера в действии, равно как и неприязнь к тому, кто должен будет его заменить. Причём эта самая замена очень подозрительная. Доходили до меня и здешние слухи, и в родном времени кое-что читал про мистера Джуду Бенджамина. Например, то, что он куда более внимательно посматривал в сторону Лондона, являясь проводником британских интересов. Причины, как оно водится, оставались «за кадром», но суть от этого не менялась. И такой человек на должности военного министра мог быть в лучшем случае бесполезен. В худшем же – принести очень много вреда.

И все равно – жаль. Очень жаль, что проложенная было дорожка в военное министерство теперь накроется. Конечно же я попробую законтачить и с Бенджамином, но сильно сомневаюсь, что это получится. Ладно, не всё коту масленица. К тому же сейчас мне предложили напоследок подгрести под себя очень вкусный и жирный кусок военных поставок. Грешно будет этим не воспользоваться. Плюс ко всему это ещё и тонкий намек насчет того, что мистер Лерой Уокер не собирается рвать наше с ним знакомство. Более того, рассчитывает на его продолжение. И правильно делает, ведь отставка с поста военного министра вовсе не делает его незначительной фигурой. Связи-то остаются, равно как и знание тайных пружин государственного управленческого механизма. А такое знание для меня лишним точно не окажется.

Уже не зря на приёме побывал! Новая порция ценной информации. Дополнительные чисто материальные «плюшки» для своей фабрики, неудержимо растущей и совершенствующейся. А ведь приём в самом разгаре, ничего ещё не закончилось. И очередное тому свидетельство – кучкующиеся близ стены господ генералы, к которым однозначно стоит подойти. Причина? Это именно те генералы, общение с которыми может быть полезно. Борегар-то никуда не денется, а вот Ли – это дело другое. Третий был мне лично не знаком, но кое-что я о нём слышал. Я вообще люблю быть в курсе событий. Так легче ориентироваться в запутанном клубке интересов и противоречий власть имущих в КША.

Итак, генерал Брэкстон Брэгг, недавно вернувшийся из Флориды, где руководил недолгой осадой и последующим штурмом форта Пикенс, что на острове Санта-Роза. Дело было весьма простенькое, не требующее каких-либо особых знаний и талантов. Только то и требовалось, что под прикрытием огня из корабельных орудий высадить войска на остров и сломить сопротивление полутысячного гарнизона форта. Как этот форт вообще мог оставаться под контролем северян? Примерно та же ситуация, что и в Чарльстонской гавани. Только вот форт Пикенс был занят северянами своевременно, да и запасы провизии и боеприпасов там были дай боги каждому. Плюс в то время флота у Конфедерации ещё не было от слова совсем, а янки, впечатлённые полученной при Чарльстоне оплеухой, позаботились о том, чтобы послать туда подкрепления, равно как и блокировать Пенсакольскую гавань. Возникла... неприятная ситуация.

Впрочем, после того как прибыли закупленные в Европе корабли с уже сложившимися командами, ситуация изменилась. Корабли янки перестали чувствовать себя как дома у побережья Флориды, в отрыве от своих баз. И не стали рисковать, вступая в сражение, к которому не были готовы, тем самым давая возможность частям генерала Брэгга при поддержке флота высадиться на острове Санта-Роза и начать штурм форта Пикенс. Успешный штурм, как ни

крути. Но после мощной артподготовки, которая к тому же вывела из строя часть орудий форта, штурмовать оный стало заметно легче.

И вот теперь бригадный генерал Брэкстон Брэгг здесь, в Ричмонде. Как я понял, ожидает нового назначения, пребывая при этом в великолепном состоянии духа и тела.

– Джентльмены, – приветствую их в данном случае не как полковник генералов, а как один гость других гостей. – Приятно находиться в достойном обществе, да ещё и подальше от откровенно назойливых и имеющих слабое представление о хороших манерах янки, не так ли?

Борегар лишь улыбнулся. Он, как и я, понимал, что этому «высшему свету» ещё тянуться и тянуться до того, который был при европейских дворах. Роберту Ли сия тема была не слишком интересна, а вот бригадный генерал Брэгг принял моё высказывание за чистую монету, без второго и тем более третьего слоя под внешней оболочкой. Радостно заулыбался и в свою очередь выдал несколько фраз о том, что на Севере и впрямь с манерами обстоит не так чтобы очень.

Однако я тут был не ради светской болтологии. Дело это, конечно, приятное, расслабляющее, но обстановка этому не благоприятствовала. Другие пришли сюда отдыхать, а я и ещё некоторые – работать. Парадокс, но факт, ведь именно такие мероприятия порой способны послужить настоящим полем боя для политиков и просто интриганов. Давняя традиция, еще со времён древнего Египта, как я полагаю. Можно сказать, освящённая не веками, а целыми тысячелетиями!

– Не хочется нарушать здешнюю атмосферу, радующую взгляд и душу, но...

– Говорите, Станич, я уже понял, что вы не просто пожелать нам всем приятного вечера подошли, – не съязвил, а скорее просто отметил очевидное Ли. – И храни Господь нас от возможных неурядиц.

– Тут не неурядицы, тут всё куда сложнее, – хмыкнул я, одновременно думая о том, в какие слова лучше всего облечь сложившуюся ситуацию. – У меня будет просьба, которую вам выполнить будет не столь сложно, но она не совсем обычна.

– Как и всё, к чему вы прикасаетесь, молодой человек.

– Не я такой, жизнь вокруг такая. – Услышав это, приближающийся к весьма почтенному возрасту генерал лишь вздохнул, а я меж тем продолжил: – Дело в том, что моим людям совсем недавно удалось поймать не простого аболициониста, а того, который был поставлен руководить себе подобными в целом штате. И не только руководить, но и готовить почву для мятежа, подобного тому, который устроил известный всем нам, и особенно вам, генерал Ли, Джон Браун. Более того, деньги на подготовку шли от того же человека. Мне кажется, что вам становится интересно, не так ли?

* * *

Ещё бы! Ведь именно Ли, тогда ещё полковник, руководил подавлением мятежа Джона Брауна. И очень хорошо запомнил учинённую тем резню в Харперс-Ферри. Неудивительно, что сейчас генерал сделал стойку, аки охотничья собака, едва заслышав, что кем-то готовится новая версия старого кошмара. Причём куда более масштабная и опасная, учитывая ведущуюся войну.

– Кто?

– Знаю лишь главного, но, как и говорилось, всё та же персона. Джеррит Смит. Да, тот самый троекратный кандидат в президенты. Финансист республиканцев и Партии свободы. А ещё и Джона Брауна с ему подобными, как и подобает аболиционисту до мозга костей и глубины души. Так вы поможете с организацией открытого суда, джентльмены?

Борегар, что было ожидаемо, кивнул, подтверждая готовность помочь. Хоть он и не был в курсе моих последних дел, но общее направление ему было понятно. Да и сама идея открытого

суда над аболиционистами ему нравилась. Брэгг, тот выжидал, смотря в сторону генерала Ли, которого не просто уважал, но считал чуть ли не самым авторитетным военачальником всей Конфедерации. Сам же Ли, не давая себе пойти на поводу у естественного душевного порыва, спросил:

– Есть ли доказательства?

– Конечно, иначе нельзя. Собственноручно написанные и заверенные свидетелями показания куратора аболиционистов Южной Каролины Грегори Мюррея. Банковские счета, доказывающие его связь с Джерритом Смитом. Имена баптистских и квакерских проповедников, которые под видом общения со своей негритянской паствой готовили их к будущему восстанию и получали от рабов сведения о важных персонах нашей страны. Арсеналы, заготовленные в преддверии планируемого мятежа. Этого достаточно для суда?

– Достаточно и для виселицы, – процедил Ли, очень не любящий мятежи и тем более подготовку к резне. Харперс-Ферри явно оставил на его душе незаживающие раны. – Как бы мне хотелось дотянуться до мистера Джеррита Смита!

– Суд может вынести и заочный приговор, – намекнул я. – И тогда...

– Что тогда?

– Может, я и ошибаюсь... – Борегар посмотрел сначала на меня, потом и на Ли с хитрым таким прищуром. – Зная Станича, я не удивлюсь, что он может послать верных ему людей, чтобы они привели приговор суда в исполнение. Там, по ту сторону.

Ли колебался. С одной стороны, ему предлагали возможность покарать того, кто был прямо ответственен за мятеж Джона Брауна и планировал новый виток, но с более масштабными последствиями. С другой – те самые действия на грани и за гранью допустимого для джентльмена. Нелёгкий выбор, чего уж там! А раз так, то следовало помочь человеку принять правильное решение.

– А чем Джеррит Смит лучше, к примеру, скрывающегося от правосудия убийцы, за чью голову объявлена награда, и кто является целью для почтенных ганфайтеров? Неужто тем, что был кандидатом в президенты? Как по мне, как он виновен еще больше обычного убийцы, потому как пытается выглядеть святее папы римского, а на деле крови на нём куда больше, чем на объявленном головорезе.

– Смелое сравнение.

– Так и я человек отнюдь не робкий. Более того, предлагаю единственный возможный сейчас путь покарать того, кто стоит за уже свершившимися и чуть было не свершившимися злодеяниями. Причём покарать законно, после суда. В чём же тут проблема?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.